

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставкой и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. печ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукоп. и ин. сох. вѣняютъ и
Телефонъ в. д. № 1 619.

и Искусство

1900 г. IV годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3 Сентября,

СОДЕРЖАНІЕ: Праздничные дни по новому закону.—Судьба попечительствъ.—Экономическія стадіи искусства. В. Генкена.—Хроника театра и искусства.—«Бѣдная невѣста». *Ното novis*.—«Туркестанская комбинація» *Еура*. Парижскіе силуэты Э. М.—Провинціальная фотопль.—Репертуаръ—Объявленія.
Рисунки: «Театръ веселыхъ авторовъ», Пожаръ

№ 36.

«Аркадія», «Сезонъ и Политика» рис. Баки, «Лѣтній сезонъ продолжается» О. Добрино.

Портреты: Г. А. Яковлева-Востокова, г. Орлова. Виньетки.

Приложеніе: «Графиня Скиргелло» въ 3 д. пер. И. А. Гриневской.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1900 годъ.

С.-Петербургъ, 3 Сентября.

Практическіе результаты закона 2 іюня успѣли сказаться въ столицахъ. Какъ извѣстно, представленія въ лѣтнихъ театрахъ, т.-е. на открытыхъ сценахъ, шли круглый сезонъ, безъ перерыва, по традиціи, весьма благосклонной къ «шѣню изъ»... и «чтенію изъ»... Подъ этими «пѣніями» и «чтеніями» благополучно сходили цѣлыя драмы, комедіи, оперы и оперетки. Новый законъ ясно и положительно, и съ тѣмъ вмѣстѣ упрощенно, указываетъ, что никакихъ представленій по извѣстнымъ днямъ быть не должно. Такимъ образомъ, послабленіямъ, изъятіямъ и обходамъ пришелъ конецъ, и новый законъ оказался сразу, на живомъ примѣрѣ, болѣе суровымъ, несмотря на свои благія намѣренія, нежели прежнія узаконенія. Одно изъ обычныхъ противорѣчій законодательства и жизни, на которомъ, впрочемъ, мы не будемъ останавливаться.

Насъ интересуетъ другой вопросъ: правы ли антрепренеры, вычитавшіе за дни, въ которые спектаклей не было, изъ мѣсячнаго жалованья артистовъ? Намъ извѣстны такіе случаи, какъ и протесты артистовъ, не соглашавшихся на вычеты. Думается, что, вообще, понятіе форсе мажуре недостаточно ясною нашимъ театральнымъ міромъ. Въ понятіе «форсе мажуре» всегда входитъ элементъ неожиданности. Считать праздникъ «неожиданностью» едва-ли возможно. Правда, антрепренеры

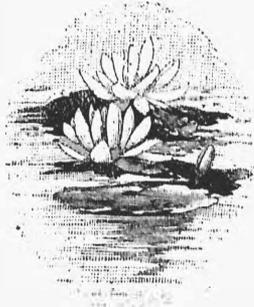
могутъ ссылаться на то, что при заключеніи контрактовъ они не могли знать о новомъ законѣ, еще не опубликованномъ. Но во-первыхъ, съ точки зрѣнія закона, дней, въ которые представленія не дозволялись, было гораздо больше прежде, чѣмъ теперь, административная же практика въ расчетъ не должна приниматься; во-вторыхъ, мѣсячное жалованіе, по самому принципу своему, не можетъ хронически подвергаться вычетамъ, на основаніи періодически повторяющихся прогульныхъ праздничныхъ дней. Если мы обратимся къ фабричному уставу, то найдемъ тамъ прямое указаніе, что мѣсячное жалованье не подвергается никакимъ вычетамъ за праздничные дни, когда работа не производится.

Мы считаемъ нужнымъ выяснитъ этотъ вопросъ, ибо онъ далеко не шуточный для матеріальной безопасности артистовъ. Такъ, въ августѣ было два праздничныхъ, прогульныхъ, два, въ сентябрѣ предстоитъ тоже два. Такимъ образомъ, жалованье артистовъ уменьшается на $\frac{1}{16}$ т.-е. почти на 7%. Процентъ весьма значительный, и если теперь-же, на первыхъ порахъ, этимъ вычетамъ не будетъ положенъ предѣлъ, то матеріальное положеніе сценическихъ тружениковъ, несомнѣнно, ухудшится, и всѣ связанныя съ закономъ 2 іюня, ликованія газетъ, вообще, мало свѣдущихъ въ специальныхъ вопросахъ, окажутся преждевременными.

Событія политической жизни и осложненія на Востокѣ, понемногу, начинаютъ чувствительно отражаться на театральномъ дѣлѣ. Такъ, по словамъ «Варшав. Дневника», «предсѣдатели комитетовъ попечительства о народной трезвости получили

циркулярное извѣщеніе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, что, согласно Высочайшему указу, въ виду событий на Дальнемъ Востока, слѣдуетъ принять всѣ мѣры къ сокращенію расходовъ, не только не ходатайствуя объ увеличеніи отпущенныхъ кредитовъ, но даже откладывая расходы на покрытіе тѣхъ потребностей, которыя не требуютъ срѣшнаго, немедленнаго удовлетворенія. Кроме того, главное управленіе проситъ комитеты сообщить немедленно же свѣдѣнія о состояніи капиталовъ, которыми располагаютъ въ настоящее время комитеты, а также о размѣрахъ тѣхъ расходовъ, которые должны быть покрыты изъ этихъ суммъ къ 1 января 1901 года».

Кстати будетъ припомнить, что еще до восточныхъ замѣшательствъ былъ опубликованъ ограничительный, относительно театральной дѣятельности попечительствъ, циркуляръ г. министра финансовъ. Теперь у министерства финансовъ много заботъ. Когда же политическій горизонтъ разсѣется, — единственнымъ правильнымъ и практическимъ выходомъ будетъ сосредоточеніе завѣдыванія попечительствами въ рукахъ одного Министерства финансовъ, на что нами неоднократно указывалось.

Экономическія стадіи искусства *)).

Искусство, во всѣхъ его видахъ и формахъ, не принадлежитъ, конечно, къ продуктамъ первой необходимости, и какъ предметъ торговаго оборота, значительно уступаетъ другимъ товарамъ въ смыслѣ удобства сбыта. Кроме чисто духовной стороны, искусство имѣетъ и сторону матеріальную, но оно не можетъ служить ни для пищи, ни для одежды. Напротивъ, оно само нуждается въ пищѣ, одеждѣ, и въ теплой квартирѣ для своихъ жрецовъ. Представитель искусства даже чувствуетъ въ этомъ большую потребность, чѣмъ кто бы то ни было, ибо ему нужно много матеріала, много времени, много затратъ на предварительную подготовку.

Между тѣмъ, съ экономической точки зрѣнія, что такое искусство? „Предметъ роскоши“. Это ясно понимаетъ всякій „глубокій экономъ“, т. е. „умѣющій судить о томъ, какъ государство богатѣетъ и чѣмъ живетъ и почему, не нужно „красоты“ ему, когда простой продуктъ имѣетъ“. Кто же позаботится, кто долженъ позаботиться о потребностяхъ искусства? Кто доставитъ ему необходимый матеріалъ? Кто обезпечитъ работу его представителямъ, которые хотятъ не только существовать, но и жить всѣми фибрами, воспринимать всѣ впечатлѣнія, откликаться на всѣ вопросы, сохранивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимость духа? Служитель искусства не

создаетъ цѣнности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но никто не обогащаетъ такъ общества, какъ онъ. Последнее обязано поэтому смотрѣть на него, какъ на избранника, и не надѣвать шаръ на Пегаса. Это равносильно смертному приговору для художника и для поэта. Между тѣмъ историки литературы и эстетики никогда не ставили себѣ, собственно, вопроса: на какомъ экономическомъ фундаментѣ покоится искусство?

Между тѣмъ насколько мы знакомы съ историческимъ процессомъ духовнаго развитія, искусство пережило три экономическихъ формулы, прежде чѣмъ перейти къ фазису чисто капиталистическому. Въ болѣе ранній періодъ искусство сливалось съ жизнью высшаго культурнаго класса государства. Избранники судьбы по рожденію, стоявшие выше заботъ о хлѣбѣ насущномъ, выше экономическихъ невзгодъ, сами открывали и охраняли хлѣбъ вдохновенія. Это были жрецы въ Египтѣ и Индіи, и всѣ свободные и знатные граждане, древней Аттики. Люди пользуются всяческой свободой, и творятъ исключительно для славы, не боясь выступать обличителями и судьями своей касты, своего класса и даже народа, часто являясь провозвѣстниками новыхъ идей и негодующими пророковъ. Они говорятъ, какъ люди, чувствующие свою силу, сознающіе, что они принадлежатъ къ немногимъ избранникамъ. Представитель искусства — не только не парія, — онъ, напротивъ, членъ могущественной соціальной группы, онъ — не только поэтъ; онъ крупный землевладелецъ, военачальникъ, государственный дѣятель. Онъ не рабъ, не кули, не пролетарій; онъ не представитель искусства, исключительно. Нѣтъ, онъ все, что угодно, и кроме того, представитель искусства. Такимъ образомъ, рядомъ съ другими равными ему по рожденію и привилегіямъ, онъ представляетъ извѣстный плюсъ. А всякій плюсъ, какъ ни смотрѣть на него со стороны — создаетъ извѣстный авторитетъ. Человѣка могутъ ненавидѣть за избытокъ даровъ, его могутъ преслѣдовать, лишитъ родины, взводить на плаху, но презирать, — никогда. Новый придатокъ, параллельно съ другими общественными привилегіями, укрѣпляетъ въ его носителѣ полноту самосознанія, и придаетъ ему необходимый авторитетъ. Вспомните: Данте, Рубенса, Байрона, Гете, Флобера, Гонкура, Конрада Фердинанда Мейера, Лермонтова и, наконецъ, Толстого. Для представителя искусства также, какъ и для государственнаго дѣятеля, для судьи или для администратора не должно существовать даже мысли о деньгахъ, о покупкѣ или продажѣ знаній, способностей и дарований. Подъ понятіе искусства мы подводимъ, конечно, и такое свободное знаніе какъ философія, словомъ, всѣ области творчества, не опустившіяся до ремесла. Секретъ гордости Шопенгауэра и скончавшагося на-дняхъ несчастнаго Ницше скрывался отчасти въ томъ, что они принадлежали, если не къ богачамъ, то къ классу людей обезпеченныхъ. Только такимъ путемъ легко окружать себя атмосферой независимости.

Но классъ болѣе господствующій не всегда является классомъ передовымъ, не всегда стоитъ во главѣ духовнаго развитія и страны эпохи. Народы и отдѣльные классы, одержавшіе побѣду въ роковой борьбѣ за существованіе часто не сохраняютъ избытка силъ и досуга для философіи и искусства. И вотъ въ одинъ прекрасный день они чувствуютъ себя господами; они сознаютъ, что имъ принадлежитъ все и, въ то же время, они отдають себѣ ясный отчетъ, что имъ не хватаетъ одного, культурности, и они желаютъ украсить себя цвѣтами носителей культуры, хотя бы изъ суетнаго чувства тщеславія, изъ не-

*) Kunst. und Kapitalismus Von Leo Berg.

*) Ruskin et la religion de la beauté par Robert de la Sizeranne.

*) Precious Thoughts — John Ruskin.

желанія отстать отъ другихъ народовъ и классовъ. Это теченіе сказывается особенно ярко тогда, когда и власть и сила приходятъ съ стремительной неожиданностью, и когда является чувство зависти, чувство соревнованія, желаніе перещеголять соперника, заставить служить себѣ искусство. Въ позднѣйшій періодъ, когда раздѣленіе труда сказывается болѣе замѣтно, и когда совмѣщать поэзію съ властью становится затруднительнымъ, почти невозможнымъ, такое отношеніе между господствующими классами и искусствомъ является обычнымъ и естественнымъ, и на сцену выступаетъ меценатство. Меценатство—это вторая экономическая формула искусства. Классическая родина его Римъ. Самой же блестящей эпохой его раздвѣта—была эпоха Ренессанса.

Въ сущности, на этой же почвѣ покоится искусство и въ новѣйшія времена, если не всегда, то во многихъ случаяхъ. „Пѣвецъ и король должны идти рука объ руку, говоритъ Шиллеръ, потому что они оба стоятъ на горѣ“. (У Майкова: „Мы всѣ стоящіе высоко; мы всѣ хранящіе огонь на алтарѣ“...). Мечты о независимости остались только мечтами. „По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ, дивясь божественнымъ природы красотамъ, и предъ созданьями искусствъ и вдохновенья безмолвно утопать въ восторгѣ умиленья!“ Объ этомъ счастьѣ могъ только мечтать Пушкинъ. Но никогда онъ его не испытывалъ. Художникъ долженъ не только творить. Онъ долженъ творить то, что нравится толпѣ, народу и иногда избранникамъ,—иначе ему нечѣмъ будетъ жить. Его покровитель, кто бы онъ ни былъ, какимъ бы саномъ онъ ни прикрывался, является не только его господиномъ, но и судьей, быть можетъ очень тонкимъ, быть можетъ единственно понимающимъ и постигающимъ его гордый геній, но всетаки судьей его вдохновенія. Искусство не растетъ больше свободно, какъ растетъ цвѣтокъ въ полѣ, его возвращаютъ въ оранжереяхъ, при дворахъ и въ академіяхъ. Правда, между садовниками попадаются истинные любители и знатоки, часто увлекающіеся своимъ произведеніемъ. Представителей искусства оберегаютъ отъ бурь и невзгодъ жизни и подъ стеклянной крышей теплицы они могутъ въ извѣстномъ случаѣ свободно расти. Безспорно одно, что въ эпоху меценатства представители и созданія искусства считаются драгоценнѣйшими дарами небесъ, ими гордятся, ими щеголяютъ другъ передъ другомъ; дворы и государи спорятъ изъ-за чести пригласить къ своему столу Фернейскаго отшельника и часто ставятъ условіемъ мирныхъ договоровъ переуступку пѣвца или художника. Англійскій придворный штатъ имѣетъ и теперь своего пѣвца-лауреата. Блескъ двора усиливается отъ лучей славы окружающихъ его поэтовъ. Если представитель искусства долженъ посвятить своему ко-

ролю, или князю церкви, гимнъ или картину, если онъ долженъ, въ томъ или другомъ отношеніи, сдѣлать имъ уступки, отрѣшиться отъ своихъ взглядовъ, то зато онъ свободенъ во всемъ остальномъ, и не отдаетъ никому отчета въ своемъ вдохновеніи. Во всякомъ случаѣ, съ своимъ сапожникомъ и рестораторомъ онъ ни въ какія сдѣлки вступать не обязанъ; а это что-нибудь да значитъ въ на-

Театръ «Веселыхъ авторовъ» на парижской выставкѣ.

ше время, когда вдохновенный поэтъ не найдетъ себѣ издателя, если повара и сапожники не признаютъ его таланта и не согласятся купить его сборникъ. Больше того, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, избранникъ небесъ могъ бросить вызовъ своему покровителю и всему свѣту. Панамъ

и королямъ онъ писалъ тогда, что они могутъ встрѣтить его въ надзвѣздномъ эфирѣ, и тамъ онъ выслушаетъ ихъ желанія (Микель-Анджело, Рихардъ Вагнеръ). Ему не платили, но его одаряли, его осыпали золотомъ и почестями, и меценаты-короли скорбѣли, что не могутъ достойно воздать за великія сокровища музыки. Въ болѣе бѣдныхъ нѣмецкихъ княжествахъ, которыя не могли позволить себѣ меценатство въ широкомъ стилѣ, покровители искусствъ находили исходъ въ учрежденіи синекуръ. Во всякомъ, самомъ маленькомъ, герцогствѣ или курфюрствѣ создавался рядъ должностей, въ требованіяхъ, въ сущности, никакой подготовки, никакихъ специальныхъ знаній, какъ напримѣръ, должности интенданта придворныхъ спектаклей или празднествъ, завѣдывающаго театрами, галереями, библіотеками, архивами и т. д., и всѣ подобныя мѣста раздавались, почти исключительно, представителямъ искусства для того, чтобы освободить ихъ отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ. Такъ, въ дни миннезингеровъ, пѣвецъ не долженъ былъ оставлять крыши гостепріимнаго хозяина, не получивъ даровъ и вина. Только наше время сохранило за собою привилегію, открывъ въ молодомъ дебютантѣ Шекспира, предоставлять ему затѣмъ

спокойно умирать съ голоду, и если-бы такой дебютантъ явился къ богатому любителю (вѣдь только богатый человѣкъ можетъ позволить себѣ такую роскошь, какъ открывать новые таланты), ему съ предупредительною вѣжливостью сказали-бы: „я боюсь, не разстроите-ли вы бифштексомъ себѣ желудокъ?“ Этотъ меценатъ, заботливо пекущійся о дѣтѣ Шекспира, — очаровательная подробность въ духѣ нашего времени, такъ покровительствующаго искусству. Въ Голитини крестьяне смотрятъ на дѣло прозе. Они считаютъ, что искусство еще не оплачено, если купленъ билетъ, что, по окончаніи спектакля, голодныхъ актеровъ надо подкормить, причѣмъ меню составляется сомостоятельно, безъ справокъ о томъ, переноситъ ли голодный желудокъ Гамлета или Офелии антрекотъ или бифштексъ. Въ сущности, хуже всего помогаютъ искусству, самую дурную услугу оказываютъ ему тогда, когда государство основываетъ академіи или учреждаетъ преміи, поддерживая „искусство вообще“, отвлеченное искусство, искусство an und für sich. Въ концеръ-концовъ, академіи питаютъ не искусство, а литературный пролетаріатъ, а преміи, въ лучшемъ случаѣ, поощряютъ трудолюбіе и посредственность. Благодаря академіямъ и преміямъ, часть пролетаріата погибаетъ, а другая превращается въ чиновниковъ, профессоровъ, въ лакеевъ отъ литературы, одушевленныхъ однимъ желаніемъ добиться титула „превосходительства“ и хорошей пенсіи. Но большихъ чиновъ и высокихъ почестей свободное искусство органически не выноситъ: оно падаетъ подъ ихъ бременемъ. Служитель искусства, призванный создавать славу другимъ, погибаетъ въ стремленіи обезпечить за собою славу на землѣ. При неуваженіи къ самому творчеству, не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ уваженіи къ искусству, и это неуваженіе, переходящее зачастую въ пренебреженіе, составляетъ также характерную подробность нашего времени. Нельзя служить искусству, влача его по грязи. Въ дни Августа или короля - солнца во Франціи, чувствовали красоту искусства, согрѣвались въ лучахъ славы великихъ поэтовъ, сознавали необходимость воспитываться на лучшихъ образцахъ фантази, говорить на безукоризненномъ латинскомъ или французскомъ языкѣ, имѣть ясныя философическія представленія, разъ королямъ приходится обращаться среди музъ. Въ то время цѣнили вкусъ и тонкое пониманіе. Если этотъ вкусъ высказывали иногда въ скверныхъ рѣчахъ и еще болѣе скверныхъ стихахъ, то только наше время рѣшило, что высшее предназначеніе служителей искусства быть лейбъ - пѣвцами десятого тома или устава о благочиніи. Тогда пѣвцовъ воспитывали не бухгалтерскіе гроссбухи и не полицейскіе уставы...

Третьей экономической формулой искусства было нахожденіе его служителей внѣ экономическихъ законовъ — это искусство „богема“. Классическая почва богемы въ яркой формѣ, — Парижъ, начиная съ эпохи Мюрге и кончая эпохой Додэ и Пальерономъ („Les Cabotins“). Представитель искусства бѣденъ и загнанъ; но онъ смѣется надъ закономъ, и долженъ надъ ними смѣяться, такъ какъ, благодаря этому смѣху, онъ дѣлается снова свободнымъ, болѣе свободнымъ, чѣмъ когда либо. Въ первой исторической стадіи искусства, служитель искусства имѣетъ все, что ему надо; во второй — онъ получаетъ все, что ему надо; въ третьей — ему просто ничего не надо. Если у него есть долги, то это его право и даже его привилегія. Онъ былъ бы недостойнъ своего званія жреца божественнаго промысла, если бы у него не было безнадежныхъ кредиторовъ. Его никто не поддерживаетъ. Но онъ ни

въ комъ не нуждается и гордится своей независимостью. Онъ не желаетъ жить законами нашей посредственности; онъ выше буржуазной морали; у него — своя мораль; онъ „самъ-своей высшій судъ“. Величайшій представитель богемы Диогенъ встрѣчаетъ великаго Александра въ бочкѣ; Мюрге живетъ на чердакѣ; Помяловскій пишетъ въ трущобахъ. Ибо гений не нуждается, въ декорумѣ. Человѣкъ, въ своей социальной жизни, въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, стоящій на низшей ступени, разъ онъ великій писатель, снисходительно протягиваетъ руку для поцѣлуя герцогинямъ (Руссо). Его окружаютъ оніиамомъ лести, за нимъ ухаживаютъ дамы высшего свѣта; локонь его волосъ или его автографъ цѣнятся, какъ святыни. Онъ знаетъ, что, какъ служитель искусства, онъ вышелъ изъ-подъ ферулы традиціонной морали. До сихъ поръ это начало бережно хранятъ пока служители сцены, и, что бы ни говорили, такой взглядъ — спасительный взглядъ, если не для служителей искусства, то для самого искусства: музыка, сценическое искусство и литература великолѣпно расцвѣтаютъ во внѣобщественной средѣ. Только въ антиобщественной обстановкѣ они дѣлаются свободными, по крайней мѣрѣ, въ такое время и въ такомъ народѣ, который въ цѣломъ достаточно антилитературенъ и достаточно антихудожествененъ. Тутъ помогаетъ одно: полный разрывъ между жрецомъ искусства и обществомъ. Представитель искусства долженъ прочно опереться на самого себя, да на свое искусство... Всякое новое движеніе начинается именно съ разрыва съ господствующими теченіями и съ обществомъ. Всякая революція въ искусствѣ и въ литературѣ совершается точно такъ-же, какъ революція въ религіи или политикѣ путемъ разрыва между вдохновенными пророками мессіями новаго слова и окружающей средой. Только такимъ шагомъ обрѣтаютъ они свободу слова и свободу дѣйствій: представители высшего класса облакаются въ ризы нищенствующаго монаха; милліонеры-фабриканты, какъ Зингеръ, обращаются въ социализмъ. Средніе вѣка знали, впрочемъ, благодѣтельный для сохраненія независимости, институтъ. Мы говоримъ о монастыряхъ. Тутъ, подъ сводами храмовъ, художники, главнымъ образомъ, и, иногда, представители поэзи и науки сбрасывали съ себя бремя заботъ объ ежедневномъ пропитаніи, и искусство процвѣтало въ тѣ дни, когда Европа изнывала въ варварствѣ.

Правда, есть еще путь служенія искусства; его ревниво оберегаютъ для себя избранники, — это путь мученичества. Можно служить своей идеѣ и своему искусству, отрекшись отъ всѣхъ земныхъ благъ, добровольно и страстно ожидая мученическаго вѣнца, и пѣть лебединую пѣснь, какъ Шенье, на эшафотѣ. Но не будемъ говорить о мученичествѣ, какъ о формулѣ экономическихъ отношеній.

Подъ охраной этихъ трехъ экономическихъ формулъ, искусство народилось, расцвѣло, и можетъ нарождаться и развиваться. Представитель искусства является, все-же представителемъ правящаго класса; онъ живетъ подъ покровительствомъ дворовъ и владѣтельныхъ классовъ, и можетъ быть, свободенъ: онъ можетъ быть вельможей, другомъ вельможъ, и богемой; онъ можетъ быть свободенъ, или потому что богатъ, или потому что заботы о немъ приняла на себя богачи, или-же потому, что онъ не нуждается въ богатствѣ и презираетъ мѣщанскую добродѣтель. До тѣхъ поръ, пока для него открыта одна изъ этихъ трехъ дорогъ, онъ поэтъ, художникъ, онъ еще артистъ, и онъ не похоронилъ въ сердцѣ своемъ бога искусства. До тѣхъ поръ онъ живетъ для искусства, а не искусствомъ. Собственно рабство,

Пожаръ «Аркадія».

цѣпи, позоръ зависимости для искусства начались съ того дня, когда произведеніе искусства появилось на рынкѣ какъ предметъ купли и продажи, и подчинилось желѣзному закону спроса и предложенія. Реакція перепроизводства постигла съ этого дня, одинаково безпощадно, и генія, и компилятора, и газетнаго репортера. Всѣ они уравнены передъ закономъ экономической необходимости, какъ формулы торжествующаго капитализма. Сапоги тачаютъ потому, что ихъ носятъ и заказываютъ. Тотъ же законъ царить безраздѣльно въ области искусства. Спросъ создаетъ искусство; публика создаетъ литературу; а не литература—публику. Не красота заставляетъ склоняться передъ ея святыней поклонниковъ, а толпа создаетъ красоту, предъявляя на нее спросъ.

В. Геннентъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХРОНИКА

театра и искусства.

Дирекція Литературно-Художественнаго общества исходатайствовала разрѣшеніе извѣстной пьесы Сухово-Кобылина, «Смерть Тарелкина», («Веселые распуговские дни»), составляющей послѣднюю часть «трилогіи» — «Овадьба Бречинскаго», «Дѣло», «Смерть Тарелкина». Сезонъ театра Литературно-Художественнаго общества откроется, по всей вѣроятности, въ половинѣ сентября. Пойдетъ «Смерть Тарелкина» и старая пьеса «Клюковъ вѣгси, таково и мелется», для перваго выхода г-жи Домашевой. Въ настоящее время репетируется возобновляемая комедія Пальма, «Нашъ другъ Неклюжевъ», съ г-жами Холиской, Домашевой, гг. Дадматовымъ, Михайловымъ и др. Въ труппу принять также г. Мячинъ, на роли простаковъ.

Въ театрѣ произведенъ капитальный ремонтъ, именно устроены несгораемый потолокъ, новое водяное отопленіе электрическая вентиляция, новыя двѣ лѣстницы. Владѣльцѣ театра пришлось израсходовать на ремонтъ, какъ говорятъ, не менѣе ста тысячъ, причемъ часть потребованной комиссіей передѣлки отложена на будущій годъ. Пла-

фонъ зрительнаго зала заказанъ декоратору Литературно-художественнаго театра И. А. Суворову.

На конкурсъ, объявленный Литературно-Художественнымъ обществомъ, прислано 130 пьесъ.

* * *

Ближайшей новинкою Александринскаго театра будетъ пьеса А. М. Федорова «Буреломъ».

* * *

Сообщаемъ нѣкоторыя подробности о пожарѣ сада «Аркадія».

25 августа около 6 часовъ утра горѣлъ садъ «Аркадія». Пожаръ возникъ въ машинномъ отдѣленіи электрической станціи, небольшомъ каменномъ одноэтажномъ зданіи, примыкавшемъ къ двухъ-этажному каменному дому—главному зданію, въ которомъ помѣщался зимній садъ. Огонь быстро распространился на это главное зданіе, а оттуда сталъ переходить на смежное съ нимъ деревянное зданіе, въ которомъ помѣщался ресторанъ съ кабинетами. Въ саду, разумѣется, посѣтителей уже не было, но прислуга еще дежурила. Благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ пожарныхъ, удалось отстоять театръ, галерею и кухонное зданіе сада. Къ десяти часамъ утра огонь былъ локализованъ. Отъ зданія зимняго сада и электрической станціи остались одиѣ голыя стѣны, въ которыхъ и къ четыремъ часамъ дня пылалъ огонь. Ресторанъ же со всѣми кабинетами сгорѣлъ до основанія. Въ зданіи зимняго сада насчитывалось 8 кабинетовъ, хорошо обставленныхъ, съ роялями и дорогой мебелью, изъ которыхъ ничего спасти не удалось. Здѣсь же сгорѣли всѣ струнные музыкальные инструменты подвизавшейся въ саду неаполитанской труппы Граменья. Между прочимъ, сгорѣла одна замѣчательная скрипка, принадлежащая этой труппѣ, которая оцѣнивалась свыше 3,000 лиръ. Садъ былъ застрахованъ въ 60,000 р. Представленія въ театрѣ были прерваны только на одинъ день. Въ субботу уже шелъ спектакль, при скудномъ освѣщеніи фонарей.

* * *

Въ Царицынѣ на Волгѣ сгорѣлъ театръ. Подробности пова неизвѣстны.

* * *

Михайловскій театръ. Зудерманъ для многихъ въ Германіи—теперь отжившая величина, и его готовы развѣчать даже тѣ, кто еще такъ недавно поклонялся ему и курилъ ему фимамъ. Какъ говоритъ одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ Зудермана Адолфъ Бардельсъ «Sudermann von voreherein kein echter Poët, aber ein Starkes Bühnentalent, ist ein reiner Macher geworden». Короче и ясно. «Никогда Зудерманъ не былъ поэтомъ, но онъ былъ большимъ мастеромъ сцены, а теперь превратился въ ремес-

денника". Но если титулъ ремесленника отчасти справедлив относительно послѣдняго произведенія Зудермана, — его трагедіи „Johannes“, гдѣ поэзія даже не „ночевала“, то положительно, невѣрнѣн суровый отзывъ Бартельса о первыхъ его драмахъ. Зудерманъ — знатокъ сцены, великій мастеръ сцены и въ этомъ отношеніи напоминаетъ больше французскихъ драматурговъ. Онъ близокъ къ намъ и по сценической техникѣ и по приемамъ своей композиціи. У него есть свой резонеръ графъ Трастъ Заарбертъ, въ „Чести“, какъ у Дюма-сына, и у него, какъ и во всѣхъ пьесахъ Дюма, также фигурируетъ неизбѣжный миллионъ, вмѣстѣ съ сердцемъ благородной, любящей дѣвушки, Леоноры Мюлингъ, вѣнчающей героя драмы. Но Зудерманъ всетаки поэтъ, истинный поэтъ, чего нельзя сказать о Дюма-сынѣ.

Въ его первыхъ произведеніяхъ находимъ настоящую драматическую поэзію, одухотворяющую страсти и пороки человѣческаго сердца, въ его столкновеніяхъ съ социальными несправедливостями и кастовыми предразсудками; онъ находитъ способъ наговорить много умныхъ вещей, сочинять цѣлыя диссертации на различныя темы, часто смѣлыя, иногда парадоксальныя. Чувства его героев отражаютъ только часть социальной борьбы. А затѣмъ, говоря словами Лафонтена, „Il avait du bon sens, le reste vient ensuite“.

Зудерманъ далекъ отъ мнѣнія покойника Сарса, что театръ долженъ быть мѣстомъ развлеченія и забавы, гдѣ у писателя-драматурга имѣется своя миссія: способствовать пищеваренію Дюраповъ, Муллеровъ и Шульцевъ, воспроизводити страсти, пороки и комическія стороны человѣческой природы. Онъ хочетъ быть, напротивъ, моралистомъ, философомъ, законодателемъ.

„Честью“ Зудермана — однимъ изъ наиболѣе популярныхъ въ Россіи произведеній, и неизвѣстнымъ только казенной сценѣ — былъ открытъ сезонъ Михайловскаго театра. Пьеса, очевидно, была поставлена специально для г. Самойлова, выступившаго въ роли добродѣтельнаго до тошноты Роберта Хейнеке.

Что сказать? Артистъ имѣлъ большой успѣхъ, и ему, съ мѣста въ карьерѣ, поднесли лавровый вѣнокъ. Это — тоже талантъ, если хотите. Ein reiner Macher, какъ пишутъ про Зудермана. Игра же г. Самойлова намъ не дала настоящаго удовлетворенія. Въ чемъ секретъ?

Не „въ стилѣ-ли“ переупрощеніи, требующемъ, чтобы актеръ былъ въ своей рѣчи, лиричѣ, жесткахъ, въ самой интонаціи голоса, чуждѣ всякой поэзіи, великой, часто неизбѣжной, приподнятости и стремленія къ искусственности. Актеръ обязанъ быть точной копіей дѣйствительности. Только дѣйствительность. Ничего другого, кромѣ дѣйствительности. Артистъ долженъ воссоздать, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, всѣ фазы душевной драмы, вплоть до заключительнаго аккорда, а не одинъ результатъ, завершившейся гдѣ-то за сценой, драматической коллизіи. Ему приходится идти не отъ вѣншнаго къ внутреннему, а отъ внутренняго къ вѣншнему. Нужна поэтому тонкая, кружевная разработка мелочей для того, чтобы создать цѣльный образъ, и малѣйшій диссонансъ рѣжетъ ухо.

Г. Самойловъ монотоненъ въ первомъ актѣ и только отбѣивалъ саятиментальность Роберта во второмъ, выдѣляя его сладкіи, какъ сахаръ, объясненія съ отцомъ, матерью и Альмой. Только въ третьемъ актѣ онъ развернулъ свои силы съ большою яркостью и его отповѣдь роднымъ звучала суровою энергіей. Съ большою энергіей провелъ онъ также объясненіе съ графомъ Трастомъ въ четвертомъ дѣйствіи и только къ концу снова спалъ съ тона. Обычная манера г. Самойлова, у котораго есть „силеньки“, но нѣтъ настоящей силы.

Всѣ остальные, участвовавшіе въ пьесѣ, старше знакомые и играли, какъ старые знакомые: одни лучше, другіе хуже. Участвовали г-жи Потоцкая, Стравинская, Чижевская (добрѣйшая старуха Хейнеке, не осупавшая глазъ всѣ четыре акта), гг.: Сазоновъ, Ридаль, Ремизовъ, Паничъ, Петровъ, Озаровскій и др. Г-жа Потоцкая была нѣсколько манерной, и въ ея игрѣ чувствовалась, странно сказать, усталость. Между тѣмъ, было время, кажется, отдохнуть. Но кто пріятно удивила и поразила насъ, — это г-жа Стравинская (Леонора Мюлингъ). Она очень развернулась. Благородная простота тона, выразительность дикціи. Вся роль превосходно надумана, и превосходно проведена. Это была настоящая нѣмецкая, идеальная дѣвица.

V. Г.—нв.

* * *

28-го августа, по словамъ «Новостей», въ зданіи Панаевского театра происходила аукціонная продажа имущества недавно умершаго пот. поч. гражданина Сергѣя Константиновича Алафузова, извѣстнаго артиста Ленни. Имущество, подлежащее продажѣ, состояло изъ театральнаго декораций, бутафорскихъ вещей и громадной библіотеки ролей — рукописныхъ, гектографированныхъ и лигграфированныхъ. Оцѣн-

ка всего этого драгоценнаго матеріала для любого театра была весьма не велика: все, и декорации, и роли, и бутафорскія вещи были оцѣнены всего въ двѣсти пятьдесятъ четыре рубля, — т. е. баснословно дешево.

Аукціонъ былъ назначенъ съ 12-ти часовъ, но еще много времени до этого часа у дверей Панаевского театра съ Черноморскаго переулка толпилась цѣлая толпа маляковъ, коллекционеровъ вещей «знаменитыхъ» людей и любителей просто поглазѣть на событіе, какого-бы содержанія оно ни было.

Прибыли судебный приставъ и двери театра распахнулись. Внутри зданія идетъ грандіозный ремонтъ. Впущенная публика прыгаетъ черезъ ящики разведенной извести, черезъ боченки цемента, накидаемымъ въ безпорядкѣ бревнамъ, доскамъ. Минута весь этотъ хаосъ, пришлось подниматься во второй ярусъ, въ контору дирекціи театра.

До начала аукціона можно было думать, что торгъ будетъ ярый. Группы маляковъ загадочно шушукуются, «любители» шупаютъ и осматриваютъ предметы продажи, не подымаясь еще во второй ярусъ...

— Все имущество С. К. Ленни продано за 257 рублей, — слышится отъ лицъ, спускающихся со второго яруса.

— Какъ такъ? — удивляются «любители», — неужели, при наличности такой банды маляковъ, покупатель превысилъ оцѣнку всего лишь на три рубля!

Такъ питается исторія... аукціонныхъ продажъ!

* * *

Предсѣдатель кіевскаго отдѣленія И. Р. М. О., А. Н. Виногоградскій дастъ подъ своимъ руководствомъ въ началѣ октябрю въ парижской залѣ Трокадеро концертъ изъ русскихъ произведеній при участіи оркестра Ламуре.

* * *

Начальникъ юго-западнаго края, по ходатайству антрепренера, разрѣшилъ 37 евреямъ обоего пола, служащимъ въ оперной труппѣ, проживать въ Кіевѣ, во время предстоящаго театральнаго сезона.

* * *

О дебютѣ г. Самойлова находимъ слѣдующіе отзывы въ петербургскихъ газетахъ.

Г. Самойловъ обладаетъ довольно рѣдкимъ искреннимъ тономъ, игра его отличается нервнымъ характеромъ, и въ данномъ случаѣ, нѣкоторая слабость голосовыхъ средствъ дебютанта не мѣшала впечатлѣнію («Новості»).

Если оставить въ сторонѣ небольшіе недочеты, то въ общемъ слѣдуетъ признать, что г. Самойловъ игралъ очень хорошо. Какъ опытный артистъ, онъ бережетъ свой неособенно сильный голосъ и благодаря этому достигаетъ значительныхъ эффектовъ въ сильныхъ мѣстахъ («Новое Время»).

Не «провинциализмъ», — а шаблонъ кой-гдѣ проглядываетъ въ игрѣ г. Самойлова. Рядомъ съ оригинальной, новой, изъ жизни выхваченной интонаціей, — интонація, жестъ, какихъ никогда не увидите въ жизни, какіе существуютъ только на сценѣ. Этотъ шаблонъ время отъ времени проглядываетъ у г. Самойлова («Россія»).

Изъ минусовъ артиста надó упомянуть во-первыхъ, о какомъ-то странномъ недостаткѣ въ произношеніи — точно онъ плохо выговариваетъ букву «с», — обь остановкахъ въ серединѣхъ словъ, производящихъ впечатлѣніе, будто артистъ заикается и, наконецъ о явномъ пристрастіи къ драматизму, заставившемъ г. Самойлова начать говорить драматическимъ тономъ чуть-ли не съ перваго же выхода Роберта Хейнеке («Петербургская Газета»).

* * *

Сообщаемъ біографическія свѣдѣнія о скончавшемся 24 августа Владимірѣ Ивановичѣ Васильевѣ I. Онъ родился въ 1828 году, въ гор. Нарвѣ. Отецъ его мѣстный протоіерей — носилъ фамилію Кириллова. Васильевымъ сталъ именоваться Влад. Ив. въ Александрово-невскомъ духовномъ училищѣ, согласно обычаю тогдашнихъ буръ мѣнтя воспитанникамъ ихъ родовая прозвища на новыя, благопріобрѣтенныя въ семинаріи. Въ 1845 году В. И. былъ зачисленъ на службу въ синодскую канцелярію. Въ свободное отъ занятій время Владиміръ Ивановичъ пѣлъ въ почтамтскомъ церковномъ хорѣ и бралъ уроки пѣнія у Федерико Риччи, профессора пѣнія при училищѣ Императорскихъ театровъ. Риччи имѣлъ громадное вліяніе на музыкальное развитіе Владиміра Ивановича и первый обратилъ вниманіе на выдающіяся музыкальныя способности своего ученика. Благодаря стараніямъ своего учителя, В. И. въ 1856 г. былъ опредѣленъ на службу артистомъ Императорской оперы и въ томъ же году отправленъ на казенный счетъ въ Италію для усовершенствованія въ пѣніи. Здѣсь онъ продолжалъ свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ брата перваго своего учителя Луиджи Риччи. Въ Триестѣ В. И. впервые выступилъ на сцену. Главная артистическая дѣятельность покойнаго сосредоточивалась на сценѣ Маринскаго театра, гдѣ онъ нѣлъ первыя басовыя партіи въ теченіе 24 сезонъ (1858—1882). Лучшими изъ его ролей (ихъ насчитывалось до 130) были роли Сусанина, Лепорелло

Г. А. Яковлевъ-Востоковъ.
(Къ первому выходу 3-го сентября).

(«Донъ-Жуанъ»), Бертрама («Робертъ»), Марселя («Гугеноты»), Каспара («Фрейшютцъ»), Беппо («Фенелла»). Голосъ В. И. по силѣ, мощи и красотѣ тембра въ свое время считался однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Болѣе удавались ему бытовья партіи, въ родѣ Сусанина, Каспара и Марселя.

Болѣзнь и преклонный возрастъ заставили Владиміра Ивановича покинуть сцену, и послѣдніе годы извѣстный артистъ жилъ въ большой нуждѣ, получая незначительную пенсію. За В. И., кромѣ артистическихъ, имѣется крупная общественная заслуга: онъ одинъ изъ главныхъ основателей судо-сберегательной кассы при Императорскихъ театрахъ. Умеръ В. И. на 72 году жизни, переживъ свою славу.

* * *

Московскія вѣсти и слухи. Въ театрѣ Корша состоялся бенефисный тиражъ. По жребію, первый бенефисъ, 15 сентября, достался г. Чинарову; затѣмъ бенефисы идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: г. Сашина, г-жи Миткевичъ, г-жи Серебряковой, г-жи Шаровъевой, г. Строителява, г. Вязовскаго, г. Соколовскаго, г. Шателенъ, г. Свѣтлова, г-жи Романовской, г. Горева, г. Муравлева-Свирскаго, г-жи Мувиль-Боровдиной, г-жи Кошевой, г. Яковлева, г-жи Голубевой, г. Туганова. Одноактная пьеса въ стихахъ г. Лоло, «Опечатка» разрѣшена драматическою цензурой и пойдетъ въ первый разъ у Корша, 15-го сентября, въ бенефисъ г. Чинарова.

* * *

Пьеса А. П. Чехова «Три сестры» предполагается къ постановкѣ въ Художественно-общедоступномъ театрѣ въ началѣ ноября. Что же касается новой пьесы Вл. И. Немировича-Данченки, то она будетъ поставлена не ранѣе декабря мѣсяца. Дирекція этого театра предполагаетъ устраивать для учащихся по воскреснымъ и правдничнымъ днямъ утренники, для которыхъ будетъ вестись исключительно классическій репертуаръ. Кромѣ того, дирекція Художественно-общедоступнаго театра вступила съ Гауптманомъ въ переговоры, относительно предоставленія ей права перевода и постановки новой пьесы его «Михаилъ Крамеръ».

Частная опера открываетъ сезонъ 10-го сентября. Составъ труппы окончательно опредѣлился: артистки г-жи Швѣткова, Забѣлла, Веретенникова и Травина (сопрано), Страхова, Ростовцева, Мельгунъва, Харитоновна, Черкасова, Суровцева, Петрова (меццо-сопрано и контръ-альто). Мужской персоналъ: гг. Секаръ-Рожанскій, Махинъ, Шубинъ, Шатиловъ, Зиновьевъ и Шкаферъ (тенора); Кругловъ, Швелевъ, Вѣковъ и Бочаровъ (баритоны); Мутинъ, Левандовскій, Лосскій, Бедлевичъ и Россолимо (басы). Капельмейстеръ, попрежнему, — г. Ипполитовъ-Ивановъ, режиссеръ — г. Шкаферъ.

* * *

26 августа состоялся въ «Аркадіи» бенефисъ г-жи Макаровой, поставившей «Кармень». Г-жа Макарова была встрѣчена при выходѣ аплодисментами. Было много подношеній. Г-жѣ Макаровой особенно удалась сцена второго акта, которая по требованію публики, была повторена. Г-жа Макарова показала себя опытной драматической артисткой.

* * *

Любопытное предпріятіе.

Въ Кіевѣ организуется компанія капиталистовъ, изъ 10 чел., которая желаетъ образовать товарищество на паяхъ со складочнымъ капиталомъ въ 100 тыс. рублей для аренды и эксплуатаціи городского театра. Когда товарищество составитъ, оно войдетъ съ предложеніемъ въ думу о предоставленіи ему антрепризы городского театра, при чемъ будетъ выражено согласіе на назначеніе художественнаго директора театра по усмотрѣнію городской театральной комиссіи.

* * *

Я. А. Дельеръ, авторъ передѣлки романа Достоевскаго «Преступленіе и Наказаніе» предоставилъ Русскому Театральному Обществу разрѣшать постановку этой пьесы провинціальнымъ труппамъ и взымать за представленія пьесы плату въ размѣрѣ обычнаго авторскаго гонорара. Цензурованные печатные экземпляры пьесы можно получать черезъ Канцелярію Совѣта Общества. (Караванная, д. № 9, кв. № 6). Цензурное разрѣшеніе на постановку пьесы дается по особому каждому разъ ходатайству Театрального Общества.

* * *

Событіе чрезвычайной важности сообщено по телеграфу «спеціальными» корреспондентами: «Въ Нижнемъ-Новгородѣ состоялось крещеніе артистки русской оперы, еврейки Горювичъ, по сценѣ Карениной».

* * *

Въ воскресенье, 27 августа, въ Москвѣ состоялось бракосочетаніе балерины Л. А. Рославлевой съ артистомъ Малаго театра г. Садовскимъ 2-мъ.

* * *

Г. Орловъ,
баритонъ московской Императорской труппы.
(Къ оставленію казенной сцены).

Г. Орловъ, баритонъ Московской оперы пѣвшій въ провинціи подъ фамиліею Далматова, безъ разрѣшенія дирекціи, вынужденъ былъ оставить службу въ Императорской оперѣ. Инцидентъ этотъ вызвалъ не мало толковъ въ артистическихъ кружкахъ.

* * *

Въ петербургской консерваторіи въ текущемъ году на средства В. Ф. Голубева установлены двѣ преміи, въ 750 рублей и 250 руб. для скрипачей, окончившихъ петербургскую консерваторію Липа, участвующія въ конкурсѣ, не должны быть старше двадцати пяти лѣтъ. Предметъ конкурса: а) скрипичный концертъ с-молл—Мендельсонъ; б) двѣ части изъ сонаты для одной скрипки Баха (по выбору артиста) и в) сочинение изъ новѣйшей скрипичной литературы (отъ Паганини включительно, до нашего времени). Выборъ котораго тоже свободенъ. Конкурсъ состоится 8 октября 1900 г., въ 1 часъ пополудни Желающіе принять участіе въ конкурсѣ подаютъ о томъ письменное заявленіе въ консерваторію не позже 25-го сентября текущего года, съ точнымъ обозначеніемъ года окончания курса, имени, отчества и фамилии конкурирующаго и съ приложеніемъ документовъ, удостоверяющихъ личность и возрастъ.

* * *

Театральный сезонъ въ провинціи.

Иваново-Вознесенскъ. Театръ на зимній сезонъ снятъ Л. Н. Платоновымъ. Антреприза. Драма.

Уральскъ. Театръ сланъ В. Н. Викторову. Антреприза. Драма.

Намонецъ-Подольскъ. Городской театръ, съ субсидіей отъ казны въ 3000 руб. и правомъ эксплуатаціи буфета и вѣшалокъ, дающихъ 1400 р., сланъ опереткѣ г. Руджіери. Неужели заправили города имѣютъ право предназначенную для обрусѣнія края субсидію отдавать опереткѣ?

Южно. Въ составъ труппы И. Л. Арканова приглашенъ В. В. Чарскій.

Нахичевань. Городской театръ на сезонъ 1900—1901 снятъ г. Анчаровымъ-Эльстономъ. Открытіе сезона послѣдуетъ 15-го сентября. Составъ труппы слѣдующій. Женскій персоналъ: г-жи З. В. Горева-Трескина (героиня), Л. П. Петипа, Л. А. Лидина, М. В. Ратмирова и Лярова, Летаръ, Е. Ф. Чекалова и Лавровская, Вадимова, Эппертъ, Булгакова, Маркова, Стрѣлкова. Терлецкая, Чечина, Снѣжина и др. Мужской персоналъ: А. М. Звѣздичъ, Н. П. Россовъ, В. Ю. Вадимовъ, С. М. Ратовъ, А. Ф. Линаръ, П. П. Ратмировъ, Нальскій, Бѣляевъ, Вольскій, Чечинъ, Ленскій, Грининъ, Дубровинъ, Миновичъ и др.

Насколько обѣщанія сбудутся—вопросъ спорный. По крайней мѣрѣ, г. Звѣздичъ служить въ Вильнѣ, а никакъ не въ Нахичевани. За то, по субботамъ, въ театрѣ будутъ устраиваемы такъ называемые promenade-concert съ декоративной обстановкой (?), чтеніемъ, пѣніемъ и танцами.

Соединеніе «променады-концерта» съ драматическимъ театромъ—выдумка, вполне достойная нахичеванскаго «университета». Сколько извѣстно, эти «promenade-concert» особенно любимы полусвѣтомъ.

Таганрогъ. Артистическое общество готовится къ открытію виннаго сезона. Режиссеромъ приглашенъ Алѣевъ, бывшій режиссеръ драматическаго кружка служащихъ Владикавказской жел. дор. Открытіе сезона предполагается 8 сентября «Чужими» г. Потапенко.

Нижній-Новгородъ. На-дняхъ состоялась закладка народнаго театра въ присутствіи однихъ только членовъ театрального комитета и строителя зданія П. П. Малинцкаго. Торжество основанія театра отложено до освѣщенія зданія.

Саратовъ. Въ народный театръ приглашены на гастроли въ теченіе сентября и октября, бывш. артистъ Императорскихъ театровъ В. В. Чарскій, Н. Д. Рыбчинская и Е. Н. Горева. Ведутся переговоры съ А. А. Яблочкиной (на октябрь).

Самара. Дирекція народнаго театра предложила артистамъ московскаго Малаго театра г-жамъ А. А. Яблочкиной и Г. Н. Оедотовой, а также артисту А. И. Сумбатову—Южину прѣхать въ Самару на гастроли въ теченіе сѣтября. Дирекція заручилась также принципиальнымъ согласіемъ труппы московскаго Художественно-общедоступнаго театра прѣхать на гастроли въ маѣ мѣсяцѣ.

Одесса. Составъ труппы С. П. Волгиной (Новый театр). Г-жи: Воронцова Ленни, Снѣжина, Любатовичъ, Потоцкая, Маслова, Князева, Гончарова, Милославская, Зонненбергъ, Красовская и др. и гг.: Людомировъ (любовникъ), Вейнбергъ (простакъ), Стенинъ, Ноддеръ, Караминъ, Петровъ, Давинскій, Масловъ (главный режиссеръ) и друг.

Казань. На-дняхъ представитель казанско-саратовскаго товарищества М. М. Бородай подалъ въ городскую управу заявленіе о желаніи арендовать на слѣдующій арендный срокъ городскій театр на прежнихъ условіяхъ.

Претендентомъ, по слухамъ, является также и Н. Н. Соловцевъ.

Маленькая хроника.

Въ „Русской Мысли“ приводится на память нѣсколько буржезовъ изъ старинныхъ оперныхъ либретто.

Напримѣръ:

Въ послѣднемъ актѣ „Травиаты“ русская Виолета въ объятіяхъ Альфреда поетъ:

— Любишь-ли, любишь-ли, любишь-ли ты меня?
— А то неужто-жъ нѣтъ, а то неужто-жъ нѣтъ!—отвѣ-
чалъ нѣжный любовникъ.

Впослѣдствіи, кажется, измѣнили отвѣтъ. Альфредъ уже пѣлъ: „Да какъ же не любить, да какъ же не любить!“

Въ „Жидовкѣ“, въ знаменитомъ финалѣ 1-го акта, при великомъ народномъ смятеніи, поется слѣдующій удивительный текстъ:

Элеазаръ. О, мой ангелъ прекрасный,
О, Рахиль, дочь моя!

Рахиль. Этотъ грозный народъ
Меня въ ужасъ привелъ!

А свирѣпый судья Руджіеро баситъ, глядя на нихъ подозрительно:

Этотъ жидъ, страшный жидъ,
Для чего такъ дрожить?

Хоръ же ликуетъ:

Вотъ невеста и женихъ!

Станемъ, братцы, подлѣ нихъ!

*** Еще одно дѣло между театральнымъ „предложеніемъ“ и „спросомъ“. Въ декабрѣ прошлаго года молодая дѣвушка К. Попова поступила въ конторщицы къ г-жѣ Артемьевой, антрепренершѣ Русскаго театра въ Одессѣ—давъ послѣдней залогомъ 300 рублей. Вѣроятно г-жа Артемьева не столько нуждалась въ конторщицѣ, сколько въ залогѣ, потому что работы г-жѣ Поповой никакой не оказалось, и деньги, не смотря на просьбы, не возвращались. Дѣло дошло до суда—въ формѣ „растраты залога“, но г-жа Артемьева энергично уклонялась отъ врученія повѣстокъ, сама обвинивъ дѣвушку въ „ростовщичесствѣ... На-дняхъ дѣло закончилось. Г-жа Артемьева приговорена къ тюремному заключенію на три мѣсяца и „подвергнута личному задержанію“, какъ сообщали телеграммы.

Можетъ быть, этотъ случай явится предостереженіемъ для обѣихъ сторонъ—первой „не преступать“, второй—

„не быть легкойруной“. *** Наконецъ, до Сибири дошелъ „Законъ“ или правильнѣе, рецензіи о немъ дошли до насъ. Первое впечатлѣніе неблагоприятное: „мезансцену“ нельзя назвать удачными, но зато, по отзывамъ того самаго рецензента, который сообщалъ о „заднихъ видахъ прически“ г. Вадимовъ представилъ такое живое изображеніе нашего вымирающаго дворянства, что своей игрой произвѣдлъ положительный восторгъ“. Но главнымъ образомъ рецензія интересна потому, что знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ „опытные“ артисты „съ честью“ выходятъ изъ различныхъ случайностей столъ обычныхъ на сценѣ. Пистолетъ, изъ котораго долженъ былъ застрѣлиться Муравлевъ, не выстрѣлилъ. Помянуто, артистъ тыкаетъ имъ въ грудь и животъ—ни звука. „Опытный артистъ“—поленитъ сибирскій рецензентъ— хотѣлъ уже прибѣгнуть къ извѣстной фразѣ: „И тутъ неудача!“ но не успѣлъ сказать ее, какъ за сценой послышался не одинъ, а цѣлыхъ два выстрѣла... Эго называется: не было ни гроша—и вдругъ алтыпъ.

*** Какъ говорятъ, г. Орленеву, на его пай отъ поѣздки съ „Преступленіемъ и Наказаніемъ“ очистилось 22,000 р. Недурной кушъ для молодого актера... Соотвѣтственно съ заработкомъ, г. Орленевъ измѣнилъ свой костюмъ: онъ носитъ теперь бѣлую бурку и папаху, кавказскаго образца, и въ такомъ видѣ разѣзжаетъ по городамъ. Публикѣ сейчасъ видно, что прѣхалъ актеръ необыкновенный.

*** Въ послѣднихъ числахъ августа на конкурсѣ Литературно-Художественнаго общества поступало 20—25 пьесъ ежедневно. Между прочимъ, каждый день приходило заказное письмо изъ г. Читы, заключавшее въ себѣ по три странички пьесы. Авторъ посылалъ пьесу, по мѣрѣ заготовленія. Кромѣ того, какъ онъ объяснялъ, онъ посылалъ пьесу небольшими частями, „чтобы не возбуждать любопытства почтовыхъ чиновниковъ“. Премію за осторожность автору, во всякомъ случаѣ, можно было-бы выдать.

„Бѣдная невѣста“.

Открытие сезона въ нашемъ Александринскомъ театрѣ напрасно сравниваютъ съ музыкальной увертюрой, по которой можно судить о томъ, что насъ ждетъ впереди и какія богатства заключаетъ партитура. Я бы сравнилъ скорѣе это торжественное открытие спектаклей съ настраиваніемъ инструментовъ: пробуютъ на разные голоса и разными манерами, какъ сладить концертъ. Я всегда вижу на первомъ представленіи разноголосицу, неуверенное подниманіе тона, внезапное опусканіе его, паузы, поражающія своею неожиданностью и пр. Объясненіе этому весьма простое: за лѣто актеры успѣваютъ отвыкнуть другъ отъ друга и забыть всѣ привычки, приемы и обычаи хорошей сцены. Всѣ они играютъ въ разныхъ турнѣ, товариществахъ, загородныхъ садахъ, гастролируютъ, окруженные «кожаными актерами», привыкаютъ къ игрѣ самостоятельной и независимой, «гордой и безмордой». Съ другой стороны, молодые артисты и начинающіе, обладающіе способностями, сразу становятся «премьерными» и выбиваются изъ своей колеи играя Армановъ Дювалей, безпутныхъ Киновъ и пр. Трудъ казенной сцены, — если только можно говорить о трудѣ ея — уподобляется работѣ Пенелопы; за зиму кое-что налаживается для того, чтобы лѣтомъ все испортилось.

Я считаю строй нашей сцены, покоящейся на томъ, что 6 мѣсяцевъ актеры работаютъ, а 12 мѣсяцевъ получаютъ жалованье, совершенно нелѣпымъ, ибо въ теченіе 6 вакаціонныхъ мѣсяцевъ дирекція платитъ жалованье какъ будто за то, чтобы актеры портились и терли то, что приобрѣли, благодаря ансамблю и возможному выбору репертуара. Мои слова очень не понравятся актерамъ — я это знаю. Но больше актеровъ, я люблю театръ, и потому, что люблю его, я вижу, къ чему приводитъ щедрость и снисходительность дирекціи. Если почему либо не находятъ возможнымъ играть лѣтомъ — хотя во всѣхъ городахъ всего міра казенные театры дѣйствуютъ лѣтомъ, какъ и зимой — то лѣтомъ слѣдуетъ репетировать, готовить пьесы, наконецъ, отдыхать, но только не работать въ разныхъ турнѣ, подгородныхъ театрахъ и провинціальныхъ труппахъ, растрчивая и жаръ души, и художественное чувство...

У насъ происходитъ слѣдующее: въ концѣ августа, изъ дальнихъ и утомительныхъ странствій возвращаясь, съѣзжаютъ актеры. Когда на афишѣ уже значится репертуаръ, и разосланы повѣстки о репетиціяхъ, въ разныхъ подгородныхъ театрахъ все еще идутъ «гастроли» и спѣшно доигрываются — гдѣ «Кинъ и безпутство», гдѣ «Тайны» и «Тетенки», гдѣ «Тетеревамъ не лѣтатъ по деревьямъ» и пр. «Ради Бога, телеграфируютъ со станціи Лигово режиссеру, — освободите отъ репетиціи: я играю сегодня «Кина и безпутство». «Не могу прибыть на репетицію, по случаю флюса». Но въ послѣдъ Сергіево онъ все-таки съ успѣхомъ и безъ флюса играетъ нелетающаго тетерева. Въ концѣ концовъ, вмѣсто положенныхъ 8 или 10 репетицій (хотя это до смѣшного мало для настоящей художественной сцены), полныхъ репетицій происходитъ двѣ. Кое-какъ возобновивъ въ памяти роль и условившись насчетъ мѣстъ, съ головой, наполненной длиннымъ рядомъ сыгранныхъ тетеревовъ и Киновъ, съ сорваннымъ голосомъ и сумбуромъ анекдотовъ, сплетенъ, слуховъ и фактовъ, слышанныхъ и разсказанныхъ во время двухъ «настоящихъ» репетицій, — онъ идетъ на сцену, уверенный, что его встрѣтятъ «градомъ» аплодисментовъ, и потому даже не взбодренный тѣмъ нервнымъ трепетомъ, который вызывается волненіемъ дебюта. И точно, все происходитъ, какъ по писаному: и «градъ» аплодисментовъ, и дикіе крики съ «райскихъ мѣстъ», и закусисныя привѣтствія театральныхъ плотниковъ и портныхъ, и веселое рукопожатіе режиссера. Развѣ только на слѣдующій день рецензенты побранятъ ну, да вѣдь что объ нихъ говорить: за брань имъ и деньги платятъ...

Я не помню ни одного удачнаго открытія сезона. Всегда происходитъ, въ большей или меньшей степени, одно и то же. Машина скрипитъ, разговариваютъ, точно глухой съ глухимъ, на всемъ лежитъ печать усталости, лѣни и какого-то взаимнаго отчужденія. Но иногда къ этимъ обычнымъ причинамъ присоединяются еще ошибки режиссера, — и тогда получается нѣчто, уже совершенно несносное и невообразимое, такъ что чувствуешь себя не въ Александринскомъ театрѣ, а какъ будто все въ томъ же послѣдъ Сергіево, гдѣ летаетъ нелетающій тетеревъ и жирными крыльями хлопаетъ себя по бедрамъ.

Такъ случилось съ «Бѣдною невѣстою».

Г. Карповъ нехудожественно, нечутко поставилъ эту пьесу. Я не о томъ говорю, что лакей обносилъ гостей подносомъ, на которомъ было два стакана, или что часы тикали такъ или этакъ. Все это навадки мелкія, «на шрифтѣ, виньетки, печатки». Но г. Карповъ не передалъ духа «Бѣдной невѣсты», ея колорита, ея сущности; онъ не перенесъ насъ въ эпоху ея созданія, и именно потому сюртуки и жилеты того времени казались дикими и непріятными диссонансомъ. Припомните эту эпоху, оставившую такой свѣтлый слѣдъ въ литературѣ. «Затишь» ли Тургенева, «Бѣдная-ли невѣ-

ста» Островскаго, разсказы ли Григоровича — на всемъ лежитъ печать какой-то умирительной пассивности. Это не тѣ «лучи въ темномъ царствѣ», изъ которыхъ Добролюбову, по обстоятельству того времени, хотѣлось сдѣлать лучи протеста. Я вижу тѣму и ласковые блики солнца, ее озаряющіе. Пассивность всегда, пассивность вездѣ, пассивность, стоящая тихо, кротко, безъ всякой надежды на одолѣніе... Ахъ, этотъ колоритъ заката, который лежитъ на всемъ, грустный и нѣжный, какъ глаза лани, безропотный и ясный, какъ умирающая въ золотой одеждѣ осень — кто тебя опишетъ? Но онъ чувствуется всѣмъ, кто подходитъ къ литературѣ со стремленіемъ уловить и понять непередаваемое настроеніе. Это важнѣе неправильнаго хода часовъ и плохого расположенія группъ, и оно обязательно для всякаго художника сцены. «Бѣдной невѣсты», я не видѣлъ, ибо прежде всего не было самой Марьи Андреевны, но была г-жа Коммиссаржевская, которая и въ хваленой «Безприданницѣ» играетъ Ларису собственнаго сочиненія, а никакъ не Островскаго. Нужно чувствовать Марью Андреевну, барышню старого, тихаго склада, шедшую по проторенной дорогѣ жизни и едва-ли даже понимавшую, что можно идти какъ-нибудь иначе. Нужно пережить это «покорство судьбѣ», эту наивность простаго — именно простаго, безъ всякой рисовки — дѣвичьяго сердца; эту неизбѣжность увлеченія Меричемъ. Здѣсь все просто и нежеманно, какъ проста и нежеманна сама природа. И потому «бѣдная невѣста» совсѣмъ не агнецъ, ведомый на закланіе, но скорѣе стихійное явленіе. Такъ должно быть. Не можетъ быть иначе. Въ этой картинѣ, преисполненной какого-то отвѣка суаго, цѣломудреннаго застоя, «бѣдная невѣста» есть одна изъ подробностей дѣлаго. Островскій не внесъ сюда ни вызова, ни протеста, ни обличенія. Онъ пишетъ жизнь «бѣдной невѣсты», — и только.

Г-жа Коммиссаржевская слишкомъ современна, слишкомъ международна, если можно выразиться, для героини Островскаго. Мы можемъ мыслить, пожалуй, Ларису въ образѣ современной безприданницы изъ культурнаго класса и прощаемъ артисткѣ ея нейрастенію, но въ «Бѣдной невѣстѣ» несоответствіе образа прямо бросается въ глаза. Я не говорю уже о томъ, что г-жа Коммиссаржевская не даетъ никогда настоящей, хорошей наивности, но всегда — наивность искусственную, которая впрочемъ, приходится кстатѣ въ иностранныхъ пьесахъ.

Еще хуже былъ Меричъ — г. Ге. Г. Ге надѣлъ жабо, облекъ свои ноги, для скульптурности, въ черное трико, и если бы сбоку у него была еще шпага, то лучшаго нельзя бы пожелать для комедіи Лопе де Вега или Кальдерона. Фигура г. Ге была до такой степени несообразна, что появленіе ея въ пьесѣ Островскаго можно было объяснить только полнѣйшею растерянностью. Ибо вотъ, наприимѣръ, едва ли можно хуже сыграть Милашина, чѣмъ сыгралъ его г. Шейнъ. Но тѣмъ не менѣе я это понимаю. Бываютъ пристрастія, когда совершенно искренно кажется, что такой-то или такая-то «хорошо справляются съ ролями». Если г. Шейнъ плохо игралъ, то все-же изъ Островскаго, тогда какъ г. Ге пѣлъ изъ оперы, танцевалъ изъ балета, проваливался изъ фееріи. Это была, во истину, какая-то «бионовщина», насланная на бѣдную русскую драму...

Далѣе. Въ то время, какъ г-жа Чижевская, опытная и даровитая бытовая актриса, играла въ «Чести» старуху Хейнке, г-жа Дюжилова, насколько мнѣ помнится, отличная мать Вили въ «Ибзели Содома», играла бытовую роль Островскаго — мать Марья Андреевны. Въ то время, какъ г-жа Левкѣва, отличающаяся необыкновенною легкостью рѣчи, играла роль въ пять словъ, — мать Хорькова изображала г-жа Стрѣльская, короткаго дыханія которой не хватало ни на одинъ монологъ. Въ то время, какъ десятки актрисъ безнадежно просятъ ролей, таковыхъ не получая, — дворянскую сваху играетъ г-жа Виноградова, которую можно считать только любительницей. Въ то время, какъ Дуню — этотъ прелестный женскій образъ — во всѣхъ провинціальныхъ театрахъ играетъ актриса на драматической роли, на Александринской сценѣ ее изображаетъ г-жа Шувалова — милая и старательная, но малоопытная и не сильная ingénue, которая могла съ искренними и правдивыми интонаціями прочитать роль, но никакъ не сыграть ее. Въ то время, какъ Марья Андреевна говоритъ про «солидность» Хорькова, — этого Любима Торцова въ молодости и съ университетскимъ образованіемъ — Хорькова изображаетъ г. Ходотовъ, худенькій, тоненькій, за лѣто «надувалившійся», хотя, бесспорно, весьма даровитый молодой актеръ. И т. д. и т. д.

Вл. И. Немировичъ-Данченко мнѣ говорилъ какъ-то, что собирается поставить въ Московскомъ Художественномъ общественомъ театрѣ «Бѣдную невѣсту», но что все времени мало. Я понимаю, что можно увлечься этой идеей. У Островскаго (беру на себя смѣлость высказаться противъ мнѣній Тургенева и др.) мало найдется пьесъ, такихъ законченныхъ по настроенію, такихъ переносающихся цѣлкомъ въ прошлое, въ дореформенную Россію затишья и застоя, какъ эта комедія. Въ ней есть именно что-то примиряющее, объективное, спокойное въ высшемъ, художественномъ значеніи этого слова. Тѣмъ большѣе, что съ «Бѣдной Невѣстой» случился такой казусъ, и въ Петербургѣ ее похоронили, надо думать, надолго...
Нотто novus.

КЪ НАЧАЛУ СЕЗОНА.

СЕЗОНЪ (Завязывает ротъ политикъ): — Теперь замолчи на время. Рис. Бака.

„Туркестанская комбинація“.

(Изъ воспоминаній провинціального актера).

(Окончаніе *).

Спустя нѣкоторое время мы, дѣйствительно, выѣхали въ составъ шести человѣкъ. Случилось это увеличеніе труппы потому, что къ намъ примкнули еще двое актеровъ (братъ и сестра), прося брать ихъ съ собою хоть даромъ. Мы возражали, ссылаясь на рискъ нашего путешествія и невозможность вслѣдствіе этого приять на себя нравственную отвѣтственность, но доводы наши не подействовали и мы согласились взять ихъ на двѣ марки (въ номинальный рубль) процентовъ, образующихся при исчисленіи чистой доходности отъ всего предполагаемаго

предпріятія. Всѣхъ марокъ назначили десять. То есть, если чистая доходность отъ спектакля или болѣе представитъ сумму въ 10 руб., то 1-я марки (4 человѣка) получать по два рубля и 2-я марки (2 человѣка) — по одному рублю — итого 10 руб. Выѣзжая на пароходѣ до первой остановки — мы не имѣли никакихъ денежныхъ сбереженій, такъ какъ все имѣемое должны были затратить на проѣздъ, скромную провизію въ недѣльномъ пути и афиши, заготовленные на весь путь до Ташкента.

Афиши были редактированы въ двухъ экземплярахъ (тамъ, гдѣ предполагалось встрѣтить музыку — одна серія афишъ; тамъ, гдѣ музыки не имѣлось въ виду — другая серія). На каждой изъ афишъ обозначены были два спектакля.

Въ афиши „безъ музыки“ включались отрывки изъ „Маскарада“, „Горы отъ ума“, „Женитьбы“, „Тартюфа“. Въ заключеніе ставился какой-нибудь оригинальный водевиль или комедія, въ 1 дѣйствіи, безъ ибнія. Тамъ, гдѣ была музыка, выпускалась афиша для перваго спектакля, съ главной пьесой „Со ступеньки на ступеньку“ (четыре акта); для втораго спектакля — „На лонѣ природы“, и водевиль „Дочь русскаго актера“.

Этимъ репертуаромъ мы открыли свои дѣйствія въ первомъ пунктѣ (заштатномъ городѣ П.) и подѣлили чистыхъ 240 руб. Первыя двѣ семьи получили по 96 руб. и послѣднія семь — 48.

Слѣдующій пунктъ (губернскій городъ С.) далъ значительно болѣе результаты и мы сообщили театральнымъ агентствамъ о вызовѣ желающихъ въ Ташкентъ.

„На ловца и звѣрь бѣжитъ“, говоритъ пословица и не успѣли мы закончить втораго нашего спектакля, какъ къ намъ явились еще двое актеровъ (мужъ и жена). Мы въ полной увѣренности, что они примкнутъ къ нашей компаніи, готовили имъ свои товарищескія объятія, какъ вдругъ мужъ супруги объявилъ намъ, что онъ путешествуетъ совершенно самостоятельно и въ нашемъ участіи не нуждается. Мы, сконфуженные такимъ афронтомъ, показали видъ, что хотѣли все устроить въ обоюдныхъ интересахъ, но разъ имъ все равно — намъ и подавно, такъ какъ на нашей сторонѣ преимущество и въ числѣ, и въ качествахъ художественныхъ представленій. Послѣ двухъ концертовъ, на которые они заняли у насъ же десять рублей — прибывшіе убѣдились, что соединиться съ нами выгодно и предложили намъ уже сами свое сотрудничество.

Мы не стали издѣваться надъ ними, а напротивъ — предоставили имъ первыя марки и липнюю за распорядительство, такъ какъ я и мой сотрудникъ Л. не прочь были посибаритничать, а бѣганіе къ полиціймейстеру за подписаниемъ афишъ и назадъ за аккуратнымъ развѣшеніемъ стульевъ въ зрительномъ залѣ не казались намъ особо соблазнительными. Но принимая новую чегу въ свою компанію, мы въ точности оговорили, что можемъ соединиться съ ними только въ томъ случаѣ, если они поѣдутъ съ нами въ Ташкентъ и пробудутъ весь зимній сезонъ. Собственно для лѣта соединеніе это не представляло выгоды, такъ какъ налетными спектаклями приходило удовлетворять большее число заинтересованныхъ лицъ, при одной и той же доходности. Новый товарищъ соглашался на все, очевидно будучи въ затруднительномъ положеніи. Такимъ образомъ насъ образовалось уже восемь человѣкъ, а прихвативъ нѣсколько любителей, въ которыхъ нигдѣ недостатка не бываетъ — мы уже стали объявлять такіа пьесы, какъ „Блуждающіе огни“, „Губернеръ“, „Женитьбу Вдлугина“ и тому подобныя. Дѣла пошли поистинѣ блестящія. Труппа сыгралась и ансамбль получился вполне стройный. Многие изъ публики приходили съ заявленіемъ, что такого дружнаго исполненія давно не запомнятъ и говорили намъ много лестнаго. Нечего и говорить, что я считалъ себя довольнѣе всѣхъ, ибо моя мысль, какъ мало надо, чтобъ снискать приличный успѣхъ и безобидное существованіе — вопли оправдалась. Коли везетъ — такъ везетъ. Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ (именно тотъ самый, который и примкнулъ къ намъ, фамилія его Я.—С.) обогатился даже материально, выигравъ въ карты около четырехъ тысячъ рублей. И хотя намъ было отъ этого ни тепло, ни холодно, но мы ликовали, думая, что сама судьба намъ сочувствуетъ. Всегда вѣдъ пріятно чувствовать себя въ обществѣ богатаго сосѣда.

Закончивъ серію предположенныхъ спектаклей, мы направились въ г. Вѣрный. Такъ какъ спѣшить намъ особенной надобности не было, а переѣздъ почтою стоилъ гораздо значительнѣе расходовъ нѣсколько медленнаго передвиженія, то мы и рѣшили отправиться этимъ послѣднимъ способомъ, т. е. на протяжныхъ. Заказали себѣ по билетѣ и пустились въ путь. Погода стояла чудная и весь „вояжъ“ представлялъ какъ бы праздничное катаніе. Плодовъ на пути встрѣчалось въ изобиліи. Остановки

*) См. №№ 34 и 35.

были интересныя и мы незамѣтно доѣхали до цѣли нашего путешествія.

По прїѣздѣ въ г. Вѣрный — намъ было легко открыть свою дѣятельность готовыми спектаклями и мы очень скоро завоевали успѣхъ. Въ „Туркестанскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ появилась очень симпатичная для насъ оцѣнка, заключающаяся ожиданіемъ такихъ пріятныхъ гостей и въ г. Ташкентѣ. Однимъ словомъ все шло болѣе, чѣмъ благополучно и мы ни разу не раскаялись, что собрались въ это путешествие.

По окончаніи вѣрненскихъ гастролей мы должны были передвигаться въ Ташкентъ къ началу зимняго сезона.

Тутъ, въ первый разъ, встрѣтилось намъ не малое разочарованіе.

V.

Люди иногда бѣсятся отъ своего довольства, какъ иногда, какъ говорятъ — отъ жиру. Одинъ изъ нашихъ (именно — счастливцевъ) вдругъ заявилъ, что съ нами не поѣдетъ.

— Какъ? Почему? посылались вопросы.

— Мало содержанія! заикался отвѣчалъ онъ.

Мы рѣшительно недоумѣвали: чего онъ хочетъ. Содержаніе получалъ онъ больше всѣхъ насъ. Престижъ за нимъ тоже находился, какъ за распорядителемъ. Чего же онъ можетъ желать?

— Липшаю марку — менѣе заикался произнесъ онъ.

— Помилуйте, такіе пустяки... уговариваемъ мы его.

— Не могу!.. сильнѣе заикался заявилъ онъ.

Въ обыкновенномъ разговорѣ, не на сценѣ, онъ сильно заикался. Когда же разговоръ становился нѣсколько требованіе — заиканіе усиливалось до смѣшнаго.

Его заявленіе, какъ оно ни было мизерно, все-таки насъ смугило и смугило главнымъ образомъ потому, что сегодня онъ потребуетъ одну марку, завтра — двѣ и т. д. Когда же будетъ конецъ этимъ требованіямъ и гдѣ гарантія, что онъ удовлетворится?

Посоветовавшись съ Л., мы рѣшили прибавить ему марку, но просили, чтобъ эта марка была окончательной въ смыслѣ его удовлетворенія и чтобы по прїѣздѣ въ Ташкентъ онъ не требовалъ ничего больше.

— Ни въ какія обязательства не вхожу, сильно заикался отвѣтилъ онъ намъ.

Тогда мы рѣшили, что компаніономъ своимъ его считать намъ неудобно и мы разстались съ намъ по добровольному соглашенію.

Онъ преспокойно уѣхалъ въ Ташкентъ одинъ съ супругою, желая также концерттировать самостоятельно, какъ и до губернскаго города С., гдѣ мы съ нимъ встрѣтились.

Съ грустью оставили мы гостепримчивые Вѣрненскіе края. Поѣхали опять тихо.

Были и въ Пишпекѣ, и въ Аулетяхъ, и вездѣ играли то „Со ступеньки“, то „Бориса Годунова“ и все-таки — благополучно прибыли въ Ташкентъ.

Въ этомъ послѣднемъ открытѣ свои дѣйствія отрывками было бы чересчуръ рискованно, и мы съ Л. рѣшили подготовить себѣ почву.

Чтобы заявить себѣ, мы два спектакля начали отрывками, а къ этому времени явились и новыя подтвержденія въ лицѣ двухъ прибывшихъ дѣятелей (опять мужъ и жена). Мѣстное общество очень сочувственно отнеслось къ намъ, а пресса одобрила и нашу осторожность, и наше идейное, художественное отношеніе къ дѣлу.

Намъ предоставили нѣкоторые, очень существенныя льготы, а передовые гласные взялись провести въ думѣ даровое пользованіе помѣщеніемъ театра и выдачу нѣкоторой субсидіи для расширенія дѣла.

Короче — къ намъ отнеслись съ полнымъ довѣріемъ, и мы легко обособились въ новой мѣстности. Явились любители, явились и профессиональные дѣятели, и мѣсяца черезъ два мы чувствовали себя на твердой почвѣ.

Такъ бы все и шло, если бы все тотъ же счастливчикъ не впутался въ наше дѣло.

Озлобленный нашимъ стоическимъ нежеланіемъ вести съ нимъ попрежнему дѣла, онъ сталъ ставить свои спектакли и набирать для этой цѣли неразборчивыхъ любителей. Въ числѣ послѣднихъ нашелся очень недурной актеръ, но очень буйный обыватель изъ отставныхъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона.

Начальникъ города, человекъ слишкомъ строгій и суровый, не терпѣлъ ни малѣйшаго безпорядка въ публичныхъ мѣстахъ, и разъ увидавъ на афишѣ предполагаемаго спектакля эту буйную личность, преспокойно вычеркнулъ ея изъ списка дѣствующихъ лицъ.

Устроитель спектакля (все тотъ же Я.С.) заволновался, началъ сильно заикаться и съ трудомъ объяснилъ начальнику свою претензію, заключающуюся въ томъ, что правоспособнымъ офицерамъ не разрѣшаютъ играть, а лицамъ, не имѣющимъ даже права пребывать въ Ташкентѣ, позволяютъ держать театральное дѣло въ своихъ рукахъ.

— На кого вы намекаете? серьезно и недоумѣло вопрошилъ начальникъ.

— Да вотъ NN! — отвѣтилъ Я.С. и назвалъ мою фамилію.

Этимъ и кончилась аудіенція начальника съ Я.С., а за мною былъ посланъ казакъ съ предложеніемъ явиться къ начальнику.

Тутъ начались разныя „паспортныя недоразумѣнія“, подробностями которыхъ я не стану занимать читателей.

Но болѣе разумные и осторожные изъ моихъ друзей совѣтовали мнѣ выѣхать на короткое время изъ Ташкента, чтобъ предупредить возможность какой либо случайности.

— Недѣли черезъ три вы снова прїѣдете, говорили они, — и вся эта исторія забудется.

Я послушалъ, и въ первый день рождественскихъ праздниковъ покинулъ городъ.

Спустя три недѣли, готовясь выѣхать обратно, я получилъ телеграмму, что театръ на лѣто и будущій зимній сезонъ снятъ нѣкимъ богатымъ коммерсантомъ, внесшимъ въ думу пять тысячъ залога.

Сила капитала, конечно, меня побѣдила, но я и теперь убѣжденъ, что не случись со мною обычнаго на Руси паспортнаго недоразумѣнія, я надолго бы поселился въ туркестанскихъ краяхъ и доказалъ бы на дѣлѣ многимъ, что можно дѣйствовать на нашемъ цопрницѣ безъ всякаго капитала, съ одной энергіей и любовью къ дѣлу, и на строгихъ началахъ товарищеской кооперации. Какая широкая арена предостойтъ для плодотворной дѣятельности въ этомъ направленіи! Какимъ почетомъ былъ бы окруженъ тогда актеръ, этотъ непрізнанный гражданинъ!..

Тѣмъ и кончилась моя туркестанская комбинація, но я не унываю, и уповаю впредь.

Ниръ.

Парижскіе силуэты.

(Изъ записной книжки русскаго туриста).

Мы въ одномъ изъ маленькихъ ресторановъ Булонскаго лѣса. Вездѣ — тишина. Аллеи пусты. Элегантный „весь Парижъ“ разѣхался на югъ, въ Ниццу, Монте-Карло, на Альпы, въ Біаррицъ, туда, гдѣ „солнце пурпурное погружается въ море лазурное“. Былъ вечеръ, тогда какъ tout Paris прогуливается въ Булонскомъ лѣсу только днемъ.

Средняя публика, — рабочій Парижъ, и иностранцы, — любятъ, конечно, выставкой или фланируютъ по бульварамъ. Въ Булонскомъ лѣсу царитъ нѣмая тишина. Пріятно отдохнуть, посидѣть въ аллеяхъ и полюбоваться закатомъ солнца.

Обѣденный часъ давно прошелъ. Часовъ восемь. Парижане заказываютъ въ этотъ часъ обыкновенно une petite consommation, бокалъ пива, стаканъ лимонаду, чашку кофе. Мы, — т. е. я и мой прїятель, — въ качествѣ иностранцевъ, рѣшили спросить что-нибудь, болѣе существенное. Гарсонъ подаль намъ изящную карточку обѣденнаго меню. Онъ не могъ допустить мысли, что порядочные люди, да еще иностранцы, дерзнутъ побеспокоить его изъ-за чего-нибудь другого. „Une omelette seulement, monsieur?“ — спросилъ онъ съ кислой миною, сдѣлавъ сильное удареніе на первомъ словѣ. Я привыкъ къ критическимъ замѣчаніямъ парижскихъ лакеевъ. „Любезный другъ, замѣтилъ я ему, — если-бы намъ понадобилось двѣ порціи яичницы, мы заказали бы вамъ двѣ“. Гарсонъ ушелъ, сверкнувъ сердитыми гла-

вами. „Два иностранца, и одинъ ометель!—какое пренебреженіе къ Парижу!“ думалъ онъ.

Покончивъ съ омететомъ, я закурилъ гаванну и сталъ осматриваться кругомъ. Почти всѣ столики были заняты. Сидѣли, преимущественно, парочками. Все это были faux ménages. Странное дѣло, эти faux ménages угадываешь съ перваго взгляда. Почему? Я въ точности не могу сказать, почему. Но фактъ тотъ, что ихъ уга-

дываешь, и угадываешь почему-то только въ Парижѣ. У себя на родинѣ чаще попадаешь въ просакъ. Наблюдательность что-ли притупляется подъ роднымъ небомъ? Право, не знаю.

Первая парочка. Она—красивая, элегантная, нѣсколько полная парижанка, небрежно попивающая глотками лимонадъ; сидящій съ ней рядомъ молодой человѣкъ не сводитъ съ нея влюбленнаго взгляда. А она? Она, кажется, совсѣмъ его не любитъ. Больше кокетка, чѣмъ гризетка, она—одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя позволяютъ себя любить, и прекрасно понимаютъ, какъ можно вытянуть отъ мужчины все, до послѣдней капли крови, разбивъ его честь и жизнь. Отъ прелестной женщины вѣетъ холодомъ и жесткостью животнаго эгоизма. Молодого человѣка возбуждаетъ чудный вечеръ, ароматъ деревьевъ, близость любимой женщины. Онъ прижимается къ ней, обнимаетъ ея талію, кротко жметъ ея руку; а она, равнодушно и небрежно принимаетъ, скорѣе терпитъ его ласки, великодушно разрѣшая любить себя. Она чувствуетъ, что неотразима въ своемъ обаяніи, со своими женскими чарами. Во всякомъ случаѣ, онъ стоитъ выше ея и, по своему образованію, и по своему общественному положенію. Судя по костюму и манерамъ, молодой человѣкъ—сынъ богатой семьи. Быть можетъ, дома его ждетъ и плачетъ въ ожиданіи старушка-мать. Быть можетъ, „эта связь“ заставила провести бѣдную женщину не одну бессонную ночь. Кто знаетъ? Я невольно вспомнилъ бульварную драму, разыгравшуюся года два тому назадъ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней не сходящую со столбцовъ парижскихъ газетъ. Потомъ о ней забыли. Печальный герой—потомокъ знатнаго рода,—имѣлъ связь съ такимъ же холоднымъ, красивымъ и безстрастнымъ „животнымъ“, какъ моя прелестная содѣлка. Милое, но погибшее созданіе, разорило его, взяло все, что могло, и затѣмъ бросило. Старая исторія съ такой же старой, давно надоѣвшей всѣмъ развязкой. Его мать плакала, умоляла, заклинала его забыть свою любовь; но онъ только пожималъ плечами твердилъ свое: Que veux-tu, maman? Je ne peux pas vivre sans cette femme... И онъ пришелъ къ этой женщинѣ и выстрѣломъ изъ револьвера убилъ ее на повалѣ... Глядя на парочку, распивавшую невинный лимонадъ. Я вспомнилъ эту драму. А вотъ—другая парочка. Взаимныя отношенія между „нимъ“ и „ей“ должны быть тѣ же самыя: онъ—сынъ богатыхъ родителей, она—гризетка. Весьма вѣроятно, что теперь она уже не работаетъ, и заботы о ея содержаніи лежатъ на немъ. Она одѣта очень богато. Но у нея нѣтъ на-

стоящаго шика. Она имѣетъ видъ провинціалки; она еще не усвоила себѣ блеска истинной парижанки: ея граціозной походки и неподражаемаго искусства носить въ рукѣ шлейфъ платья такъ, чтобы всѣ видѣли и любовались ея дорогой шелковой, обшитой тонкими кружевами, юбкой, черными шелковыми чулками и лакированными ботинками, на высокихъ каблукахъ, которые такъ вредны для здоровья, но которые такъ красиво и ловко видѣлиютъ маленькую изящную ножку. Ея лицо не знаетъ бѣлиль и румянъ. Я думаю, что она даже не напудрилась. Совсѣмъ, какъ видите, дебютантка. Кто знаетъ? Можетъ быть, она въ „связи“, въ первый разъ въ жизни. О, Боже мой! Не станете же вы отрицать, что кто-нибудь можетъ встрѣтиться съ какой-нибудь женщиной, для которой онъ будетъ первымъ. Вѣдь это возможно, даже въ Парижѣ? Не такъ ли? И мнѣ было такъ больно смотрѣть на хорошенькую бѣлокурую головку. Какъ мало шика, и какъ искренно и беззащитно любить она своего широкоплечаго и здороваго друга, разваливашагося рядомъ съ ней! Онъ—спортсменъ. Онъ пріѣхалъ на велосипедѣ, и одѣтъ въ традиціонный костюмъ велосипедиста. На немъ—короткіе штаны, черные чулки, башмаки. Великолѣпный откормленный образецъ самодовольства и самовлюбленности. Я готовъ держать пари, что въ жизнь свою онъ не заработалъ ни копѣйки и что онъ живетъ исключительно за счетъ чадолюбивыхъ родителей. А бѣдняжка такъ его любитъ, такъ его любитъ; она жметъ къ нему, какъ влюбленная кошечка, грѣетъ его руку въ своей и смотритъ на него нѣжными, добрыми и глупо влюбленными глазами. Какъ трогательно глупы и наивны ея голубые глаза! Сегодня она для него еще его petite femme. Но это не долго протянется. Пока она ему еще не надоѣла. Пока... Но, раньше или позже,—и скорѣе раньше, чѣмъ позже,—ея ибсенка будетъ спать. Бѣдная глупенькая овечка—не изъ тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ удержать надолго настоящаго парижанина. У нея нѣтъ для этого достаточно рафинированнаго и прянаго шика и остраго ума. Это простое, безхитрое, беззащитно влюбленное существо. А онъ? Онъ не изъ тѣхъ, которые задумываются, когда имъ нужно порвать связь. Это сразу видно. Какой конецъ ждетъ ее? Богъ ихъ знаетъ но я думаю... Впрочемъ, зачѣмъ думать?

Третья парочка. Она сидитъ, какъ разъ рядомъ со мною и моимъ пріятелемъ, и я отчетливо слышу даже звукъ ихъ голосовъ. Она куда интереснѣе его. Типичный цвѣтокъ Парижа: лицо безъ кровинки, худая, вся изъ нервовъ, съ прекрасными, умными, чудесными глазами. Смѣхъ чарующій, голосъ нѣжный, съ журчащими переливами. Одѣта она съ большимъ вкусомъ, но просто, во все темное. Dame de comptoir, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ, она оставляетъ впечатлѣніе честной женщины, d'une honnête femme, женщины, стоящей на своихъ ногахъ, работающей и ни отъ кого не зависящей. Молодость ея давно прошла, и много было ея пережито, много испытаній, бурь, разочарованій, и, быть можетъ, страданій, быть можетъ, любовныхъ драмъ. Но женская натура такъ эластична, такъ легко приспособляется. Всякая женщина, думаетъ, что ея

послѣдняя любовь — самая сильная, и всякая женщина воскресаетъ для новой жизни, для радостей и страданій, едва первый блѣдный лучъ солнца броситъ свое отраженіе на ея безнадежное существованіе...

Можетъ быть, любовь блеснула своей прощальной улыбкой и на закатѣ этой анемичной парижанки, съ блѣдными безкровными губами и блѣлыми ушами. Можетъ быть, это — ея послѣдняя любовь, т. е. послѣдняя раздѣленная любовь, — любовь, встрѣтившая откликъ въ мужской груди. Правда, иллюзіи молодости исчезли. Она любитъ страстно человѣка, сидящаго рядомъ съ ней. Но она видитъ его насквозь и беретъ его такимъ, какъ онъ есть...

Онъ некрасивъ. О, нѣтъ. Далеко нѣтъ. Онъ даже не интересенъ. Но у него есть нѣчто болѣе опасное для женскаго сердца, чѣмъ красота — это его молодость. Онъ, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ моложе своей блѣдной спутницы. Онъ не замѣчаетъ пока, какой старухой она кажется рядомъ съ нимъ. Но, будьте покойны, онъ скоро это замѣтитъ. А если бы онъ это не замѣтилъ, то найдутся добрые пріятели, которые будутъ такъ долго твердить ему объ этомъ, пока онъ, наконецъ, обратитъ вниманіе. Но пока все идетъ хорошо. Она — не только его любовница, она — его другъ, повѣрившая ему планы и тайны, и онъ передъ ней, ничего не скрываетъ. Они живутъ не вмѣстѣ; иначе у него не накопилось бы столько новостей. А онъ все время ей что-то рассказываетъ. Его профессія? Вѣроятно, начинающій художникъ, дебютантъ, дѣлающій карьеру, мечтающій о завоеваніи мира, о милліонахъ и не имѣющій за душой ломанаго гроша. Онъ рассказываетъ ей о своей картинѣ и для ясности рисуетъ на столѣ карандашомъ какіе-то фигуры; а она слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ, не сводя съ него глазъ, пока онъ стремительно, съ южнымъ пыломъ, передаетъ ей свой рассказъ, мѣшая правду съ ложью, дѣйствительность съ созданіемъ фантазіи. Она такъ мило смѣется, такъ граціозно склоняетъ къ нему головку. Вотъ онъ сообщилъ ей какъ-будто что-то совсѣмъ неправдоподобное. Она не хочетъ его огорчать, хотя отлично понимаетъ, что онъ сочинилъ все отъ начала до конца. Вѣроятно, это случается съ нимъ не въ первый разъ. Но у нея такъ много такта; она такъ нѣжна и внимательна, и такъ задушевно, такъ деликатно звучитъ ея „Ah! vraiment...“ тонко намекающее на сомнительную достовѣрность его разсказа. И она при этомъ ласково смѣется и заботливо смотритъ своими умными, красивыми глазами — на него, такого молодого, такого самодовольнаго, на него, котораго она такъ хорошо знаетъ, такъ понимаетъ, со всѣми его недостатками, и слабостями, и котораго она любитъ почти съ материнскою нѣжностью, именно, потому, что онъ такъ молодъ и такъ слабъ... Но, кажется, и онъ привязанъ къ своему безкровному другу... кто знаетъ? Они сходятся въ своихъ склонностяхъ и симпатіяхъ. Это видно по всему. Зачѣмъ же задумываться и загадывать о будущемъ? Хорошо, что еще есть два существа, которые пока счастливы, пока любятъ другъ друга...

Garçon, l'addition!

Нужно идти по домамъ. Счетъ, поданный на красивой тарелкѣ, былъ составленъ съ большой развязностью, но я разыгралъ грань-сеньера. Я думалъ не о счетѣ, — я думалъ о трехъ сосѣдкахъ, — такихъ разныхъ и непохожихъ, но одинаково вскормленныхъ все тѣмъ же Парижемъ, его культурой, его воздухомъ...

Э. М.

Лѣтній сезонъ продолжится.

Рис. Олга Добраго.

ПРОВИНЦАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

РОСТОВЪ-на-ДОНУ. Зимній сезонъ вызываетъ въ публикѣ значительный интересъ. До сихъ поръ театромъ владѣлъ Н. Н. Синельниковъ, одинъ изъ лучшихъ антрепренеровъ въ Россіи. Были и у него недочеты, но обстановочная часть, репертуаръ, ансамбль — были образцовыми для провинціального города. Режимъ г. Синельникова началъ мало-по-малу пріучать публику къ хорошему репертуару, какъ вдругъ г. Синельниковъ смѣнилъ антрепризу въ Ростовѣ-на-Дону на роль режиссера въ Москвѣ.

Сегодня всюду расклеены театральныя объявленія на предстоящій сезонъ. Какъ, навѣрное, известно читателямъ «Т. и Искусств.», собственно въ нашемъ единственномъ зимнемъ Асмоловскомъ театрѣ драму замѣнитъ опера. Подождемъ открытія сезона (въ срединѣ октября), а сами перейдемъ въ сосѣдній городъ, издавна тѣсно соединенный съ Ростовомъ-на-Д. — въ Нахичевань-на-Д., гдѣ съ 15 сентября въ недавно только отстроенномъ (открытъ въ прошломъ году) маленькомъ театрѣ, принадлежащемъ городу, будутъ ставиться драматическіе спектакли.

Нахичеванское городское общественное управленіе долго колебалось, не зная, кому изъ многихъ претендентовъ отдать театръ, и, наконецъ, среди солидныхъ именъ выбрало первые выступающаго на поприще антрепризу г. Анчарова-Эльстона. Можетъ быть, г. Анчаровъ-Эльстонъ, игравшій въ прошломъ году у Синельникова, окажется хорошимъ антрепренеромъ, можетъ быть, ему удастся завоевать симпатіи публики, но я, какъ безпристрастный лѣтописецъ, долженъ отмѣтить, что еще не открыты двери театра, а г. Анчаровъ-Эльстонъ совершилъ нѣсколько промаховъ. Предлагая свои услуги городу, г. Анчаровъ-Эльстонъ обѣщалъ цѣлый рядъ именъ, и даже гастроли артистовъ Императорскихъ театровъ. Минъ кажется, что нахичеванская дума, сдавая театръ г. Анчарову-Эльстону, а не другому антрепренеру, погналась за именами и гастроллями. Первое разочарованіе постигло ее: «именъ» нѣтъ, а о гастролляхъ не упомянуто совсѣмъ.

Центръ тяжести репертуара — будто-бы — классическія пьесы. По крайней мѣрѣ, перечисленъ репертуаръ г. Россова, который поставленъ особнякомъ отъ всей труппы — это второй промахъ. Кстати: въ списокѣ классическихъ пьесъ значится невѣдомый намъ «Царь Борисъ» Пушкина. Составлять театральное объявленіе слѣдовало бы тщательно.

Ждать недѣлю. 15-го идетъ «Горе отъ ума».

Теперь попрошу извиненія за уклоненіе нѣсколько въ сторону.

Г. Вадимовъ ангажированъ въ Омскѣ, Новочеркасскѣ и Нахичевани. Что сей сонъ значитъ? Пока у насъ царитъ одинъ только кафе-шантанъ, такъ какъ малорусская труппа, дающая спектакли въ театрѣ Машонкиной, за исключеніемъ главы товарищества, г. Суходольскаго—одинъ большой просительный знакъ. Пошажу читателей и умолчу о труппѣ. Нашему «присяжному увеселителю» Карапету Чарахчянцу, извѣстному не только въ Ростовѣ, грозитъ бѣда. Ему готовить крайне неприятный сюрпризъ — запрещеніе торговать спиртными напитками позже 11 часовъ вечера. Если такое «вето» будетъ наложено, то г. Чарахчянцу придется закрыть свой шантанъ, гдѣ только послѣ часу ночи идетъ усиленная торговля неодушевленными и одушевленными товарами. Въ интересахъ театральнаго дѣла (о нравственности умолчимъ) пожелаемъ, чтобы самый солидный конкурентъ драмы въ Ростовѣ совсѣмъ исчезъ.

С. Ч.

КОЗЛОВЪ. Настоящимъ лѣтомъ Козлову выпало на долю довольно рѣдкое счастье слышать въ своемъ театрѣ оперы въ исполненіи труппы состоящей изъ артистовъ Императорской сцены. Труппа эта заѣхала въ Козловъ благодаря В. І. Зеленому. Въ воскресенье, 11-го іюня, была поставлена «Жизнь за Царя» съ г. Серебряковымъ въ заглавной роли и г-жей Кутузовой-Зеленой въ роли Вани. Общій ансамбль исполненія иногда страдалъ отъ переутомленія г. артистовъ, пѣвшихъ накануне въ Воронежѣ и совершившихъ 200-верстныя переезды. Этимъ, вѣроятно, объясняется нѣкоторая неуверенность или вялость въ оркестрѣ и то, что почтенный артистъ въ роли Сусанина, вступая въ хоръ въ первомъ актѣ «Что гадать о свадьбѣ», замедлялъ общій темпъ оркестра и хора. Сборъ пераго спектакля выразился въ суммѣ 695 руб.

Второй спектакль 12 іюня—«Евгеній Онѣгинъ»—прошелъ уже безъ приваковъ утомленія и далъ 601 руб. валовой сбора. Очень хороши были г. Смирновъ въ роли Онѣгина и г-жа Эйхенвальдъ-Дубровина въ роли Татьяны. Ленскій въ исполненіи г. Сафонова былъ неудаченъ. Вообще этому артисту съ хорошими голосовыми средствами слѣдуетъ заняться пластикой и держать бытового репертуара.

Третій спектакль 13 іюня «Демонъ» далъ сбора 610 руб. Г. Смирновъ «Не плачь, дитя» повторилъ, не физиономія его слишкомъ добродушна для «духа изгнанія, печальнаго демона». Весьма хорошую Тамару мы видѣли въ исполненіи г-жи Де-Вос-Соболевой. Намъ очень понравился и г. Рѣзуновъ въ роли Синодала.

Четвертый спектакль 14 іюня «Карменъ» съ г-жей Кутузовой-Зеленой въ заглавной роли прошелъ съ рѣдкимъ ансамблемъ и далъ 450 руб. сбора. Въ этомъ спектаклѣ въ первый разъ выступилъ г. Морской въ роли Донъ-Хосе, которую артистъ отъ начала до конца провелъ не только какъ пѣвецъ, но и какъ актеръ типично и выдержанно.

Пятымъ спектаклемъ предполагался «Русланъ и Людмила», была уже выпущена афиша, но по желанію публики пришлось замѣнить «Русалкой». Очень ужъ хотѣлось публикѣ видѣть г. Серебрякова въ роли мельника. Кроме того, ей не вѣрилось въ возможность постановки «Руслана и Людмилы» на нашей сценѣ, какъ оперы слишкомъ обстановочной. И дѣйствительно, публика не сшиблась, такого мельника мы едва ли когда еще увидимъ. Особенно ему удалась сцена сумасшествия «Какой я мельникъ, я воронъ!» Валовой сборъ выразился въ суммѣ 300 руб.

Послѣдній спектакль «Пиксовая дама» далъ снова переполненный сборъ 650 руб. и отличался шумными овациями съ поднесеніемъ цвѣтовъ, букетовъ, всевозможными привѣтствіями на разноцветныхъ бумажкахъ, которыми осыпали артистовъ по окончаніи спектакля. Не довольствуясь многочисленными вызовами всей труппы въ театрѣ, наши меломаны дождались выхода артистовъ и у подъязда устраивали шумныя овации, прожая со всевозможными привѣтствіями. Г. Морской на этотъ разъ пѣлъ слишкомъ самонадѣянно, благодаря чему однажды сорвался.

Говоря вообще про постановку этихъ оперъ, нельзя не упомянуть товарищество за нѣкоторую небрежность. Такъ, напримѣръ, оно не въ должной мѣрѣ пользовалось даже тѣми декорациями, которыя имѣются въ театрѣ. Затѣмъ, хористы не находятъ нужнымъ гримироваться даже въ такихъ операхъ какъ «Жизнь за Царя», гдѣ поляки и русскіе были людьми съ однѣми и тѣми же физиономіями.

Въ общемъ товарищество въ Козловѣ заработало очень хорошо. Самый крупный поспектакльный расходъ составляла плата 50 руб. въ вечеръ за театръ съ электрическимъ освѣщеніемъ и афиша съ анонсами 20 руб.

На 18 іюня была выпущена афиша казанско-саратовскаго товарищества М. М. Вородай. Вниманію публики предлагалось два акта пьесы «Любовь и предвзвѣдокъ» Федорова (?) и «На законномъ основаніи», съ г. Петица. Г. Вородай повадѣлся на счастливаго гастролера г. Петица, но счастье оказалось измѣнчиво...

Въ іюль въ Козловъ заѣхала оперная труппа (продолжѣ

на Нижегородскую ярмарку), подъ управленіемъ г. Салтыкова, съ г. Яковлевымъ. Въ роли Онѣгина г. Яковлевъ послѣ Смирнова не произвелъ особеннаго впечатлѣнія. Татьяну прекрасно пропѣла г-жа Брунъ, но Ленскій г. Мосинъ былъ не типиченъ. Второй спектакль, «Фаустъ» прошелъ лучше. Очень понравились публикѣ г. Яковлевъ—Валентинъ, г. Сангурскій—Мефистофель и Маргарита—г. Тиманина. Третій спектакль не состоялся. Нельзя не упрекнуть дирижера въ распушенности оркестра и хора.

Въ Тамбовѣ первую половину лѣтняго сезона подвизалась драматическая труппа казанско-саратовскаго товарищества г. Вородай. Не смотря на интересный репертуаръ «Царь Федоръ Іоанновичъ», «Донъ-Жуанъ Австрійскій» и гастролеровъ гг. Далматова и Москвина (?)—Тамбовъ хорошихъ сборовъ товариществу не далъ. Съ половины іюня на смѣну драмѣ въ Коннозаводскій театръ водворилась оперная труппа того же товарищества.

Козловскій зимній театръ снятъ на предстоящей зимней сезонъ г. В. Н. Лецетичемъ. Сезонъ предполагается открыть 24 сентября «Соколами и Воронами».

Театръ снятъ за 4,000 руб. съ электрическимъ освѣщеніемъ. Отопленіе будетъ стоить около 500 руб., что вмѣстѣ съ арендой на 83 спектакля составитъ 54 р. на кругъ, плюсъ вечеровой расходъ: афиша съ разноской и расклейкой 20 р., оркестръ 20 р., авторскіе—5 р., нарядъ полиціи и парикмахеръ—5 р., реквизитъ и прочій непредвидѣнный расходъ—6 р., рабочіе на сценѣ и капельдиеры—5 р., а всего 115 р. Слѣдовательно нужно взять въ сезонъ около 10,000 р. для того, чтобы покрыть аренду театра и вечеровой расходъ. При хорошихъ дѣлахъ сезонъ съ буфетомъ и вѣшалкой, которые сданы за 1,200 руб., можетъ дать 20,000 руб., изъ которыхъ 10,000 руб. остаются на содержаніе труппы въ теченіе 4½ мѣсяцевъ сезона. Театральной публики въ Козловѣ противъ прошлыхъ лѣтъ прибавилось, а къ будущему сезону количества публики еще болѣе возрастетъ, потому что къ тому времени окончится постройка механическихъ мастерскихъ.

В Ч—на.

ВИЛЬНА. Цѣлый рядъ бенефисовъ. Въ труппѣ Чарова состоялись бенефисы гг. Эспе, Чарова, Дмитриева, дирижеръ Ступель и прима-балерины, «assoluto» г-жи Біанки Джилато. Г. Эспе уже нѣсколько лѣтъ подрядъ не покидаетъ Вильны, подвизаясь на подмосткахъ то опереточныхъ, то драматическихъ, гдѣ ему поручались «роли съ пѣніемъ». Что касается наличности «пѣнія», то о немъ, увы, говорить не приходится, за то въ смыслѣ вкуса и музыкальности, г. Эспе стоитъ гораздо выше опереточнаго уровня, что онъ, между прочимъ, доказалъ и въ день, или вѣрнѣе вечеръ своего бенефиса, поставивъ старую, но очень музыкальную оперетку Деллингера «Донъ Цезарь де Базанъ». Г. Чаровъ хорошей опереточный режиссеръ. За истекающій лѣтній сезонъ онъ умудрился при полномъ отсутствіи специально опереточной обстановки съ одними остатками декораций прошлыхъ оперныхъ сезоновъ обставить оперетку очень и очень прилично. Для своего бенефиса г. Чаровъ выбралъ «Бельвильскую дѣву», въ первомъ антрактѣ происходило чествованіе бенефицианта. Послѣ оперетки были поставлены живыя картины, изображавшія шестіе державъ къ Пекину; какъ туда попали буры, это одному г. Чарову вѣдомо, только появленіе ихъ вызвало громъ аплодисментовъ. Дмитриевъ въ свой бенефисъ повторилъ «Бельвильскую дѣву». Кстати, на сляхъ второго колика въ труппѣ Чарова подвизается артистъ Лукинъ. Жаль видѣть, какъ этотъ даровитый артистъ губитъ себя въ опереткѣ, гдѣ онъ къ счастью еще не совсѣмъ «обыгрался», т. е. ходитъ еще на ногахъ, а не на рукахъ, говоритъ по роли, а не пошлая и сильныя отсебятинны. Нашъ совѣтъ г. Лукину оставить оперетку, ибо «печатъ непоправимаго» не заставить себя долго ждать. Дирижеръ оркестра г. Ступель выбралъ для своего бенефиса скабрезную и лишенную всякихъ музыкальныхъ достоинствъ оперетку Серпетто «Соломенная вдовушка». Оркестръ г. Ступеля составленъ въ отдѣльности и въ очень хорошихъ силъ, но въ сбѣмѣ играетъ вяло и безцвѣтно, чему виной, конечно, лишенный вкуса и темперамента дирижеръ, къ слову сказать — мѣстнаго производства. Балетный ансамбль г. Витига плоховатъ и выѣзжаетъ исключительно на «примѣ-балеринѣ» «assoluto», какъ гласятъ афиши, Біанкѣ Джилато. Г-жа Джилато танцуетъ тяжело, но въ свой бенефисъ рискнула поставить даже актъ изъ «Коппелии».

26-го августа состоялась въ театрѣ Ботаническаго сада «гастроль П. Н. Орленева» съ труппой С.-Петербургскаго Литературно-Художественнаго театра, шло пресловутое «Преступленіе и Наказаніе». Прежде всего, что касается «труппы литературно-художественнаго общества», то всякіе комментарии излишни, стоитъ только сказать, что Мармеладова игралъ нѣкій Платоновъ, Сою—Работнова, Порфирія Петровича — г. Ильковъ и т. д. въ томъ же родѣ. Это труппа С.-Петербургскаго литературно-художественнаго театра? Объ исполненіи не стану распространяться, замѣчу только, что г. Ильковъ весьма удачно справился съ Порфилиемъ. Отъ проживающей въ Вильнѣ г-жи Дуббельтъ-Зеландъ былъ поданъ вѣнокъ съ надписью «талантливому П. Н. Орленеву отъ благо-

дарнаго автора «Лжи». По слухамъ г-жа Зеландъ пишетъ пьесу специально для г. Орленева. Эмб.

САМАРА. Для открытія зимняго сезона на сценѣ «Пушкинскаго» народнаго театра была поставлена 30 августа драма г. Карпова «Житье привольное». При всей тенденціозности и нѣкоторой односторонности этой пьесы, она все же представляетъ извѣстный интересъ. Народныя сцены, съ хорами, плясками и пр. были поставлены очень удачно. Изъ исполнителей нужно отмѣтить г-жу Александрову. Хорошъ былъ г. Малышевъ въ роли Комара. Далѣе отмѣтимъ г-жу Мертваго въ роли Авдотьи и г-жу Громову въ роли Татьяны. Г. Самуйловъ вредилъ впечатлѣнію отсутствіемъ простоты въ разговорѣ, — таковы существенныя недостатки г. Самуйлова. Слабоватъ былъ и г. Баскаковъ (кстати сказать единственный имѣющійся въ труппѣ нашего народнаго театра профессиональный артистъ); онъ былъ скорѣе похожъ на библейскаго пророка, чѣмъ на крестьянина. Г-жа Судьбинина (Аксютка) довольно естественно хотя неуверенно провела свою небольшую роль.

Мы остановились на исполненіи драмы г. Карпова, потому что по этому исполненію можно, вообще, судить о силахъ труппы нашего народнаго театра. Надъ театромъ этимъ тяготѣетъ какой-то злой рокъ. Читатели знаютъ, кажется, какъ долго шли переговоры между комитетомъ самарскаго общества трезвости, въ вѣдѣніи котораго находится театръ, и самарской думой. И вотъ, когда эти переговоры кончились тѣмъ, что дума рѣшила, наконецъ, уступить мѣсто на постройку «народнаго дома» (теперь театръ помѣщается въ наемномъ домѣ, очень тѣсномъ и скверномъ), отъ министерства финансовъ на-дняхъ получило извѣщеніе, что въ виду китайскихъ событій министерство не находитъ въ настоящее время возможнымъ ассигновать обѣщанные обществу трезвости сто тысячъ руб. на постройку «народнаго дома». Такимъ образомъ, постройка зданія для театра опять откладывается на неопредѣленное время. Сцена тепершняго театра настолько мала, что артисты кажутся на ней какими-то великанами.

Л. Б. Яковлевъ.

ЗЛАТОУСТЬ. На-дняхъ у насъ закончило свои дѣла товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ В. К. Верховскаго, бывшшее здѣсь съ 25 іюня. Составъ труппы товарищества былъ довольно приличный и въ общемъ спектакли охотно посѣщались публикою, что въ Златоустѣ явленіе рѣдкостное, особенно если принять во вниманіе лѣтнее время, когда наша публика почти вся устремляется въ лѣсъ, предпочитая комедіи и водевили на лонѣ природы всякимъ драмамъ въ театральномъ залѣ.

Товариществомъ ставились преимущественно драмы современнаго репертуара: «Въ новой семьѣ», «Заза», «Въ старые годы», «Генеральша Матрена», «Дядя Ваня», «Измаиль», «Казнь», «Родина», не забыты были и нѣкоторыя изъ старыхъ — «Василиса Мелентьева», «Уриель Акоста», «Коварство и любовь», «Соколы и вороны», «Два подростка», «Бѣшенныя деньги» и «Гроза».

Наибольшимъ успѣхомъ пользовались г-жи Волховская (сильно-драматич. роли), Шейндель (драматич. инженю) молодая

артистка Императорскаго московскаго Малаго театра и Херувимова (комическое инженю). Артистки эти еще очень молоды, но съ дарованіемъ и при трудѣ и стараніи изъ нихъ могутъ выработаться весьма незаурядныя силы. Г-жѣ Волховской можно однако посоветовать оставить амплу драматическихъ героинь и заняться исключительно ролями кокетокъ, какъ-бы у нея, безспорно, выходятъ лучше. Въ сильно-драматическихъ роляхъ она копируетъ, повидимому, Савину, но недостаточно удачно (напр. въ «Родинѣ»). Такія же роли какъ Лидіи въ «Бѣшенныхъ деньгахъ» она проводитъ гораздо лучше. Въ исполненіи г-жи Шейндель есть задушевность и ея ingénues не имѣютъ общаго у начинающихъ плаксиваго, ноющаго характера. Г-жа Херувимова бойко и жизненно исполняетъ водевильныя роли. Изъ мужскаго персонала выдѣлялись гг. Тольскій и Тихановъ. Первый еще совсѣмъ юный артистъ (недавно кончилъ театральное училище), но съ искоркой и порой способенъ увлечь своей игрой (Годда въ «Казни»); ему несомнѣнно предстоитъ будущность. Г. Тихановъ уже старый, опытный актеръ, хотя не особенно талантливый. Руководитель товарищества г. Верховскій — актеръ средней руки. Роли героевъ и сильно-драматическія исполнялъ г. Вѣринъ и объ этомъ можно только пожалѣть. Г. Вѣринъ подвизается на сценѣ лѣтъ 6, смѣнивши стулъ писаря въ златоустовскомъ полицейскомъ управленіи на театральныя подмостки. Выступая иногда на любительскихъ спектакляхъ, г. Вѣринъ почувствовалъ нестерпимый позывъ къ сценѣ, но... охота смертная, а участь горькая. Несмотря, однако, на нѣкоторые недочеты, товарищество, въ общемъ, не бѣдствовалло, а на бенефисахъ первые персонажи даже были поощряемы подношеніями, правда, скромными, но и это является знаменательнымъ для Златоуста. Отмѣтимъ подарокъ, поднесенный г-жѣ Волховской въ ея бенефисъ отдѣльно одними рабочими завода — изящный стальной браслетъ, чеканенный золотомъ (работа мѣстнаго завода) съ надписью «за драматическое искусство отъ рабочихъ Златоустовскаго завода». Фактъ этотъ показываетъ, что вкусъ рабочаго уже достаточно развился. Этому не мало способствовало устройство здѣсь народнаго театра.

А. Н.—ва.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 4-го по 11-е сентября 1900 года.

Александринскій театръ. Въ понедѣльникъ, 4-го сентября: «Бѣдная невѣста», 5-го: «Ревизоръ», 6-го: «Кручина», 8-го: «Бѣдная невѣста», 10-го: «Свадьба Кречинскаго».

Михайловскій театръ. Въ понедѣльникъ, 4-го сентября: «Честъ», 5-го: «Накипь», 6-го: «Плоды просвѣщенія», 8-го: «Честъ», ком.—10-го: «Накипь».

Маринскій театръ. Въ понедѣльникъ, 4-го сентября: «Пиковая дама», (1-е представленіе 1-го абонемена).—5-го: «Русланъ и Людмила», 6-го: «Жизнь за Царя». (Не въ счетъ абонемена).—8-го: «Пиковая дама», 10-го: «Кончелія», бал.—«Пробужденіе Флоры», бал. (2-е представленіе абонемена).

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5. Существ. съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

№ 2304. 3—12.

БАНКОВСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ТИФЛИСѢ на зиму СВОБОДЕНЪ.

Обращаться за подробными свѣдѣніями въ Тифлисъ, Земельный банкъ, къ г. Сулханову. 2—2 № 2310

ОПЫТНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССИРША

желаетъ получить мѣсто на зимній сезонъ. Спб. Николаевская 73, кв. 11. Г-жѣ С. М. С.—ъ.

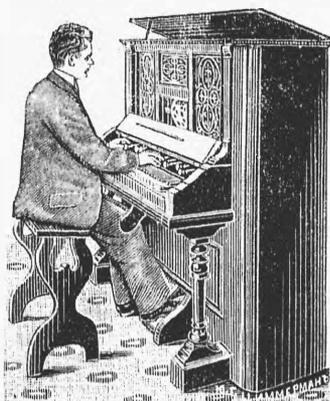
КОМЕДИИ И ФАРСЫ

А. Ф. КРЮКОВСКАГО.

Кокоша и Тотоша.—Денежныя тузы.—Ряга.—Сынъ на прокатъ.—Передъ завтракомъ.—Хлестаковъ на водахъ.—Замороженная теща. (На представленію дозволены безусловно).

Цѣна 3 рубля.

ОТЗЫВЪ МАССЕНЭ ОБЪ ЭОЛІАНЪ-ОРГАНЪ.

„Возможность совершенно правильно и точно исполнять музыкальныя сочиненія, осмысленно освещать идею композитора, легкость пользованія инструментомъ съ такой передачею, которая возможна только оркестру, исполнять пьесы съ разнообразной окраской нюансовъ, задуманной авторомъ — вотъ результатъ, достигнутый ЭОЛІАНОМЪ“.

Эолианы имѣются въ 235, 300, 400, 500, 600, 700, 900, 1200, и 1500 р. Ноты къ нимъ въ громадномъ выборѣ отъ 1 р. 50 к. и дороже. Имѣется много русскихъ свѣтскихъ и духовныхъ пьесъ. Подробное описаніе бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ: Б. Морская, № 34. Москва: Кузнецкій мостъ, д. Захарьина, № 2311.

ТЕАТРЪ и САДЪ П. В. ТУМПАКОВА.

(Фонтанка, у Измайловскаго моста).

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ и ДИВЕРТИСМЕНТЫ.

Воскресенье, 3 Сентября:

1) ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНЫЙ ТЕСТЬ, 2) ОБОЗРѢНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

Понедѣльникъ, 4 Сентября,

для закрытія сезона: 1) ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ, 2) ОБОЗРѢНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

Ежедневно разнохарактерные дивертисменты съ участіемъ вновь приглашенныхъ артистовъ.

Гл. режиссеръ И. Е. Шуваловъ.

Дирекція П. В. Тумпаконъ.

Общедоступный садъ П. И. Васильева.

(Глазовская, 23).

Ежедневно спектакли.

Воскресенье, 3 Сентября, КАШИРСКАЯ СТАРИНА. Понедѣльникъ, 4-го — МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ. Вторникъ 5-го — ДАРМОѢДНА. Среда, 6-го — ПАРАША СИБИРЯЧКА. Пятница, 8-го — СТАРЫЕ ГОДЫ.

Въ дивертисментѣ дебюты новыхъ артистовъ: укротительницы змѣй Миссъ Флоры, чревовѣщателя Рафаэля Эдига, танцовщицы сериантины Миссъ Флоры, звукоподражателя Рафаэля.

Главный режиссеръ И. Г. Арди.

Лѣтній Садъ и Театръ В. А. Неметти.

Офицерская, 39. Дирекція П. В. Тумпаконъ.

Ежедневныя представленія: русская оперетка, балетъ и дивертисментъ.

Въ Воскресенье, 3 Сентября,

спектакль съ благотворительной цѣлью, съ участіемъ А. Д. ВАЛЬЯЦЕВОЙ,

1) ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА, муз. Оффенбаха. 2) ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ ВЪ ЛИЦАХЪ, муз. Михалека. 3) НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

Влѣстѣщій дивертисментъ: Нельсонъ и сестры Гальмоши. Русская пѣвица г-жа Н. И. Талара. Куплетистъ Валентиновъ.

Дуетисты г-жа Сесиль и г. Никола. Эквилибристъ Тони Нильсонъ. Прима-балерины Рашель-Фабри, Лаура-Герри.

Капельмейстеръ П. А. Вивьенъ.

Главн. режиссеръ А. Брянскій.

Доволено певурую. С.-Петербургъ, 2 Сентября 1900 г.

Типографія Спб. Т-ва „Гудъ“, Фонтанка, 86.

НОВАЯ КНИГА.

„ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА“.

Сам. полный сборн. остроумныхъ куплетовъ. Репертуаръ популярныхъ куплетистовъ: Арбенни, Бламенталь-Тамарина, Бринскаго, Вураковскаго, Каменскаго, Леонидова-Гуляева, Пальма, Шенченко и др. Съ портрет. исполнителей подъ редакціей М. В. Лентовскаго и С. А. Пальма.

Ц. 1 рубль.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

Б. М. СОЛОВЬЕВЪ.

Съ Сентября мѣсяца возобновляетъ уроки пѣнія по методу французской школы (Bonheur, Boyer, Jourdain), въ связи съ общимъ музыкальнымъ развитіемъ. Исправленіе испорченныхъ голосовъ — тремолирующихъ и утратившихъ звучность.

Приемъ ежедневно отъ 11 — 12 ч.

Басковъ пер., д. № 21, кв. 1.

Б У Р О

Русскаго Театральнаго Общества

имѣть честь довести до свѣдѣнія гг. предпринимателей, что разрѣшеніе на постановку пьесы М. А. Дельера „Преступленіе и наказаніе“ (по роману Ф. М. Достоевскаго), а также пьесъ того же автора „Похвала кума — невѣдомо куда“ и „Послѣдній гость“ предоставлено г. Дельеромъ, Совѣту Русскаго Театральнаго Общества. Желающіе получить экземпляры пьесъ благоволятъ обращаться въ Канцелярію Совѣта

С.-Петербургъ, Караванная, д. № 9, кв. № 6.

Авторскій гонораръ за постановку пьесъ М. А. Дельера установленъ въ томъ же размѣрѣ, что и для пьесъ членовъ Общества драматическихъ писателей и уплачивается агентамъ Т. О.

НОВЫЯ КНИГИ:

„Слутникъ артиста“.

(Репертуаръ любимцевъ публики).

Художественный матеріалъ для декламаторовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и пр. концертныхъ исполнителей. подъ редакціей извѣстныхъ артистовъ: В. П. Далматова — драмат. стихотворенія для чтецовъ; Е. Н. Горва — драмат. стих. для чтиць; І. В. Тартаковъ — романсы; К. А. Варламовъ — юморист. стих.; С. К. Ленни — риемовавныя шутки; С. А. Пальмъ — куплеты; І. Д. Рутновскій — шуточныя пѣсли; А. Ф. Манаровъ-Юневъ — народные мотивы. Съ портретами и приложеніемъ компетентныхъ указаній „Объ искусствѣ чтевія“.

Продается въ конторѣ ред. „Театръ и Искусство“.

Цѣна 1 руб.